ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СМИ

[СЕРИЯ СПРАВОЧНИКОВ]

[Государственный департамент США]

[Бюро международных информационных программ]

Законодательство и СМИ

[СЕРИЯ СПРАВОЧНИКОВ]

[Государственный департамент США]

[Бюро международных информационных программ]

Законодательство и СМИ
Серия справочников

Дата публикации: 2013 год : Издатель: Государственный департамент США
Бюро международных информационных программ

ISBN (print) 978-1-622-39903-1
ISBN (ePub) 978-1-622-39906-2
ISBN (mobi) 978-1-622-39909-3

Над выпуском работали:

Координатор:................................Дон Маккол
Исполнительный редактор:.......Джонатан Марголис
Директор по печатным публикациям:................................ Майкл Фридман
Главный редактор:.......................Линн Шайб
Главный менеджер по производству:..............................Анита Грин
Директор по оформлению:........Девид Хамиль, Лоурен Рассел, Джулия Марушевски
Автор статей:................................Джейн Киртли
Поиск и оформление фотографий: ....Мэгги Сликер

Джейн Киртли с августа 1999 г. является профессором медиаэтики и медиазаконодательства Центра Сильи при Школе журналистики и массовых коммуникаций университета Миннесоты. В мае 2000 г. она заняла должность директора Центра Сильи. До этого в течение 14 лет Киртли занимала пост исполнительного директора журналистского Комитета по вопросам свободы прессы в г. Арлингтон, Вирджиния. Ранее, до работы в штате журналистского комитета, она пять лет работала юристом фирмы Nixon, Hargrave, Devans and Doyle в городах Рочестер, штат Нью-Йорк, и Вашингтон, округ Колумбия. Киртли является членом адвокатских коллегий штатов Нью-Йорк и Вирджиния, а также округа Колумбия. Помимо этого, она готовила репортажи для изданий Evansville Press (Индиана) и The Oak Ridger , а также Nashville Banner (Теннесси).

Содержание

Особенное же качество действий, нарушающих свободу слова, состоит в том, что они составляют воровство по отношению ко всему человечеству, как к будущим, так и к настоящим поколениям; и те, кто придерживается другого мнения, потеряют больше, чем согласные с ним.

Джон Стюарт Милль
Английский философ и экономист
1806–1873

Введение

Люди мыслящие могут расходиться во мнениях о том, какую роль надлежит играть новостным СМИ. Одни считают, что журналисты должны поддерживать правительство, снабжая общественность лишь той информацией, которую власти сочтут уместной. Другие, наоборот, убеждены, что пресса должна осуществлять контроль над работой правительства, разоблачая и предавая огласке злоупотребления властью.

Одни хотят, чтобы СМИ были защитниками тех или иных взглядов, боролись за идеалы и занимали четкие политические позиции.

Другие, наоборот, считают, что пресса должна быть объективной и непартийной. Одни верят, что пресса должна уважать институты и традиции общества, выполняя роль зеркала.

Другие, наоборот, требуют, чтобы пресса подвергала их сомнению и бросала им вызов. В данной книге речь идет о том, что, несмотря на все эти разногласия, существуют некие стандарты, определяющие права и обязанности независимых СМИ в свободном обществе.

1st Во-первых, свободная и независимая пресса – залог существования любого свободного общества. Но какой смысл мы вкладываем в понятие свободной прессы? В данной книге имеется в виду пресса, не подлежащая неоправданному государственному контролю и регулированию, пресса, не подверженная чрезмерному финансовому влиянию частного сектора, включая рекламодателей, и не испытывающая экономическое либо деловое давление со стороны частного бизнеса. Свободные и независимые СМИ предоставляют своим читателям, зрителям и слушателям информацию, которая необходима для полноценного гражданского участия в жизни свободного общества.

2nd Во-вторых, свободная пресса ничего не боится и без страха и сомнений освещает темы, обладающие важностью для ее аудитории. Она подвергает сомнению устоявшиеся представления, поднимает вопросы о деятельности властей и занимается поиском истины независимо от того, куда могут привести ее следы – в кабинеты высшего руководства или в офисы владельцев новостных организаций. Порой за поиски истины приходиться расплачиваться жизнью. Такая судьба постигла специализировавшуюся на расследованиях российскую журналистку Анну Политковскую, в 2006 году ставшую жертвой заказного убийства в Москве.

3rd В-третьих, свободная пресса сознает свои обязанности перед обществом. Понятие обязанностей журналистов трактуется по-разному в разных странах и в разные времена. В годы мира и стабильности требования к этике журналистов могут оказаться совершенно отличными от журналистских стандартов в период войны или национального бедствия. К примеру, в опросе общественного мнения, проводившимся в США Центром защиты Первой поправки в организации Freedom Forum спустя всего несколько месяцев после террористических нападений 11 сентября 2001 года, 46 процентов респондентов выразили мнение, что пресса пользуется “чрезмерной” свободой. Эта цифра заметно превысила соответствующий показатель, полученный в результате опроса до терактов, и уровень в 39 процентов, отмеченный в опросе 2009 года.

Однако определенные основные принципы остаются неизменными. Свободная пресса добивается истины и доносит ее до своей аудитории. Она должна неутомимо стремиться к тому, чтобы ее информация соответствовала действительности. Сознательное распространение ложных сообщений

совершенно недопустимо. Большинство обществ согласится с тем, что даже самая свободная пресса должна пользоваться своей свободой, осознавая, что ее действия и решения не могут остаться без последствий, – порой весьма существенных. Пресса имеет огромное влияние на жизнь миллионов людей. Подобно любому влиятельному институту, она должна быть готова выслушивать жалобы, объяснять мотивы своих поступков читателям и слушателям, признавать и исправлять допущенные ею ошибки. Но она также должна быть готова отстаивать непопулярные позиции и отважно противостоять критике, когда на карту поставлены важные принципы. Некоторые назовут это заносчивостью. Я называю это мужеством.

Свобода слова и свобода печати

В Соединенных Штатах, где я живу и где в основном занимаюсь исследовательской и преподавательской деятельностью, пресса по закону более или менее свободна от контроля со стороны государства. Первая поправка к Конституции США запрещает Конгрессу и законодательным собраниям штатов принимать законы, ущемляющие свободу слова или свободу печати.

Эта безоговорочная формулировка была принята революционерами вскоре после окончания Войны за независимость США (1775-1783) в период большого оптимизма, но в то же время и большой неопределенности. На протяжении последующих двухсот с лишним лет американские суды толковали Первую поправку как вескую гарантию, которую, тем не менее, не следует рассматривать как абсолют.

Верховный суд США пояснил, что определенные виды выступлений, в которых, например, разглашаются сведения о передвижении войск в военное время, не подпадают под защиту Первой поправки к Конституции

Вверху: Эндрю Гамильтон защищал Джона Петера Зенгера, издателя New York Weekly Journal, которого в 1735 г. обвинили в мятежной клевете за критику в адрес королевского губернатора. Гамильтон утверждал, что публикация Зенгера была правдивой, а значит никоим образом не могла являться мятежной клеветой. Присяжные оправдали Зенгера. Гамильтон прокомментировал это так: «Вы создали благородный прецедент, который поможет и впредь сохранять привилегию, дарованную природой и законами нашей страны – Свободу, подтвердив право на правдивую критику и отстаивание своей правоты в суде».

США. Другие исключения касаются запретов на употребление непристойностей в публичных выступлениях или на речи с призывами к насильственным или преступным деяниям. Следует также учесть, что на новостные СМИ почти всегда распространяется действие общеприменимых законов, т.е. законов, которые распространяются на всех, и для прессы не делается исключений с точки зрения особых обязательств или наказаний. Например, законы, запрещающие несанкционированное прослушивание телефонных разговоров, применимы к органам печати в такой же мере, как и к корпорациям.

Но даже эти исключения смягчаются традиционно стойкой неприязнью к любым посягательствам властей на свободу печати. Как отметил один американский судья, позицией прессы по умолчанию является публикация материала. Бремя доказывания целесообразности любых ограничений на свободу печати возлагается на правительство. Эта формула подкрепляет надзорную функцию прессы и способствует подотчетности органов власти.

Подотчетность прессы

Но кто наблюдает за наблюдателем? Кто следит за подотчетностью самой прессы? В некоторых странах эту функцию берет на себя правительство. В законах и кодексах подробно расписываются нормы поведения членов новостных организаций. Таким образом, права журналистов во многих случаях привязаны к их обязанностям. Беда, однако, в том, что правительство может трактовать ответственность прессы не так, как сама пресса или даже общественность. В некоторых странах эта надзорная функция возложена на сами СМИ, на их читателей и зрителей.

В некоторых государствах новостные организации и индивидуальные журналисты подчиняются кодексу журналистской этики. Такого кодекса придерживается, в частности, Национальный союз журналистов Великобритании. В других странах этические нормы предписываются журналистам по закону. В Соединенных Штатах разные новостные организации придерживаются собственных правил журналистской этики. Подобные кодексы или инструкции обычно содержат обязательные для сотрудников правила поведения в ситуациях, сопряженных с конфликтом финансовых и прочих интересов.

Например, правило этики может запретить журналисту писать о фирме, в которой работает его жена, или принимать участие в демонстрации протеста, наклеивать на бампер своей машины политический лозунг, выставлять политические плакаты во дворе своего дома, носить значки с национальным флагом на лацкане пиджака во время телерепортажа или принимать даже символический подарок от источника новостей. Подобные правила призваны обеспечивать реальную и видимую журналистскую независимость.

В правилах журналистской этики, казалось бы, излишне упоминать о необходимости неукоснительно придерживаться истины. Но после скандалов с журналистами вроде Джейсона Блэра из газеты New York Times, которые под видом оригинальных статей сдавали в редакцию сфабрикованные или списанные у других материалы, многие организации ужесточили свои правила журналистской этики, чтобы подать четкий сигнал о том, что ни одна ответственная новостная организация ни в коем случае не потерпит ни фальсификации, ни плагиата.

Иногда этические нормы пересекаются с законом. К примеру, в Северной Ирландии редактор бюро дублинской газеты Sunday Tribune в Белфасте Сюзанн Брин оказалась перед юридической и этической дилеммой. Ей позвонил по телефону некий человек и сообщил, что убил двух солдат в Массеринских казармах в Антриме. Полицейские потребовали, чтобы Брин передала в их распоряжение свой мобильный телефон, компьютерные файлы и записи о контактах с военизированной организацией "Настоящая ИРА". Редактор отказалась на том основании, что, поступив в соответствии с требованием полиции, она нарушит свое профессиональное обязательство по сохранению конфиденциальности своих источников. Брин также честно признала, что сотрудничество с правоохранительными органами может стоить жизни ей самой и членам ее семьи. С другой стороны, отказ выполнить распоряжение полиции грозил ей лишением свободы на срок до пяти лет за неуважение к суду.

В июне 2009 года судья из Белфаста вынес постановление, что принуждение Сюзанн Брин к разглашению ее новостных материалов может создать

угрозу ее жизни в нарушение Европейской конвенции о защите прав человека.

Совершенно иным образом закончилась история с американской журналистской, корреспондентом газеты *New York Times* Джудит Миллер, которая отказалась сотрудничать со следствием, пытавшимся установить, кто из государственных служащих раскрыл личность тайного агента разведки. Джудит Миллер отказалась выступить со свидетельскими показаниями даже после того, как суд постановил, что журналисты не имеют права на отказ раскрывать имена своих конфиденциальных источников. В 2005 году ей пришлось провести 85 суток за решеткой. Некоторые судьи и представители общественности настаивали на том, что журналисты не могут считать себя выше закона. Тем не менее, правила этики большинства новостных организаций требуют, чтобы их сотрудники свято выполняли обещания, данные своим источникам, даже ценой лишения свободы.

В разных странах существуют разные правовые и этические нормы. Здравомыслящие люди и даже сами журналисты могут расходиться во мнениях о том, как их следует применять в той или иной конкретной ситуации, и сохраняют ли они надлежащие равновесие между конкурирующими общественными интересами.

.

Неприкосновенность частной жизни и клевета

Может ли репортер нарушить неприкосновенность чьей-либо частной жизни? Верховный суд США постановил, что пресса вправе на законных основаниях публиковать имя жертвы сексуального нападения. Но можно ли считать такой подход правильным?

Уместно ли для журналиста издеваться над государственным должностным лицом или высмеивать имя или образ, священные для той или иной этнической или религиозной группы? После того, как американский порнографический журнал Hustler опубликовал сатиру на известного своими откровенными высказываниями пастора Джерри Фолвелла, Верховный суд США постановил, что свободное общество должно терпимо относиться даже к “вопиющим” выступлениям ради того, чтобы способствовать энергичному обсуждению и спорам в обществе. Как написал один член Верховного суда, “ложных идей не существует. Сколь бы пагубным ни было то или иное мнение, мы полагаемся для его исправления не на совесть судов и присяжных, а на конкуренцию со стороны других идей”.

С другой стороны, в марте 2008 года Совет по правам человека ООН принял резолюцию с осуждением

Вверху: корреспондент New York Times Джудит Миллер была помещена в тюрьму за отказ раскрыть свой конфиденциальный источник. Миллер в сопровождении своих юристов покидает зал федерального окружного суда в Вашингтоне (округ Колумбия) 29 июня 2005 г.

"диффамации религии". Во многих странах существуют и применяются законы, трактующие "оскорбление чести и достоинства" любого человека, в том числе даже государственного должностного лица, как уголовное преступление, даже если фактическая сторона дела не противоречит действительности. Верховный суд Соединенных Штатов ни разу не поддержал попыток правительства не допустить публикацию в печати информации с грифом секретности. Периодически вспыхивают жаркие споры по поводу того, можно ли судить журналистов по законам о шпионаже. Например, в Китае кража государственной тайны расценивается как преступление независимо от того, кем она совершена, причем понятие государственной тайны трактуется весьма широко. Но даже если предположить, что журналисты не нарушают закона, могут ли они публиковать секретную информацию, особенно в том случае, когда в ней раскрываются методы слежки за террористами и подрываются попытки разведывательных органов обеспечить безопасность?

Прозрачность

Невзирая на подобные сомнения, термин "прозрачность" стал боевым кличем гражданского общества. От государственных и частных организаций настойчиво требуют, чтобы они в больших подробностях раскрывали свою деятельность, источники финансирования и методы управления. Перевод информации в цифровой формат и вездесущий характер интернета облегчают эту задачу. Однако всеобщий доступ к информации порождает новые проблемы в сфере безопасности и приватности и усложняет задачу охраны фирменной или защищенной авторским правом информации. По иронии судьбы технология, максимально облегчающая доступ к информации, рассматривается некоторыми как угроза другим основным правам, в частности, праву на неприкосновенность частной жизни или, как выразился один американский юрист, "на уединение".

К этой гремучей смеси следует добавить целые полчища анонимных и, по всей видимости, неуправляемых блоггеров и граждан, мнящих себя журналистами, которые при всем своем энтузиазме не имеют ни специальной подготовки, ни профессиональной сертификации какого-либо рода. Они, конечно, создают яркий контрапункт традиционной прессе. Но не породит ли их презрение к условностям и склонность к пренебрежению правилами более настойчивые требования регулировать прессу?

Это нелегкие вопросы, да и легких ответов на них не существует.

Жить со свободной прессой обременительно. Над обществом постоянно нависает призрак беспокойства, суеты, смятения, крика и шума, беспорядка и возмущения – и так каждый день.

Свободная пресса не защищена от ошибок и подчас не достигает уровня своих возможностей. Но нарождающиеся демократии во всем мире ежедневно демонстрируют, что у них хватает мужества и уверенности в себе, чтобы предпочесть знание невежеству, а истину пропаганде, приняв идеал свободы СМИ.

Жить со свободной прессой нелегко. Но я знаю, что я не могла бы жить без нее.

—Джейн Кертли

Принимая во внимание, что признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...

Всеобщая декларация прав человека
ООН
1948 г.

Создание благоприятной среды для журналистики

Национальные правовые системы неодинаковы. В странах гражданского права, подобных Германии и Франции, существует детально разработанное и четко определенное законодательство о правах и обязанностях журналистов. В Великобритании, Соединенных Штатах и других странах, где царят традиции общего права, свобода печати определяется широкими юридическими принципами на основе комплекса законодательных мер, государственных правил и судебных прецедентов, не всегда непосредственно относящихся к сфере деятельности журналистов.

Независимо от специфики той или иной правовой системы, добросовестная журналистика процветает повсюду, где принципы верховенства закона уважаются и соблюдаются обществом. Труды выдающихся мыслителей – правоведов, теоретиков и философов, включая Конфуция, Мильтона, Руссо, Милля, Мейклджона и других – образуют интеллектуальный фундамент современных правовых и этических норм журналистики.

Международные стандарты

Статья из электронной брошюры “Законодательство США и СМИ”, подготовленной Бюро международных информационных программ при Госдепартаменте США. Свобода самовыражения гарантируется международными стандартами. Но эти же стандарты, как правило, дают государству определенные законные основания для ограничения свободы самовыражения. Статья 19 Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 1948 году, провозглашает, что:

> “Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ".

Но далее, в статье 29, указаны ограничения этого права, какие

> "установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе".

Подобным же образом статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека гласит:

> "Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны

публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий".

Однако в этой категорической формулировке тоже содержатся ограничения:

"Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия".

Аналогичный подход характеризует многие международные документы, конвенции и договоры, включая Международный пакт о гражданских и политических правах, Африканскую хартию прав человека и народов, Американскую конвенцию о правах человека и многие другие. Эти документы расходятся в деталях, но во всех без исключения свобода слова признается как основное право, хотя и ограниченное принятыми в установленном порядке законами, специально предназначенными для обеспечения защиты не менее весомых интересов общества.

Национальные стандарты

Во многих случаях свобода печати также гарантируется национальными конституциями. Так, например, Статья 25 Конституции Бельгии, принятой в 1831 году, гласит:

“Печать пользуется свободой; цензура ни при каких обстоятельствах не допускается; нельзя требовать залога от писателей, издателей или типографий. В тех случаях, когда писатель известен и проживает в Бельгии, ни издатель, ни типография, ни распространитель не могут подвергаться судебному преследованию".

Столь же категоричный характер носит и формулировка Первой поправки к Конституции США,

Congress of the United States,
begun and held at the City of New-York, on
Wednesday the fourth of March, one thousand seven hundred and eighty nine.

Вверху: Свобода печати гарантирована согласно Первой поправке Билля о правах в Конституции США.

ратифицированной в 1791 году:

> “Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб".

В других национальных конституциях право на свободу самовыражения признается, но не рассматривается как абсолютное. Так, Статья 8 Конституции Сенегала гарантирует свободу самовыражения и мнений “с учетом ограничений, предусмотренных законами и правилами”. Подобным же образом статья 36(1) Конституции Кыргызской Республики недвусмысленно провозглашает, что “средства массовой информации свободны”, но в Статье 18 содержится оговорка:

> “Ограничения свобод и прав человека допускаются Конституцией и законами лишь в целях обеспечения свобод и прав других лиц, общественной безопасности и порядка, территориальной целостности, защиты конституционного строя. При этом сущность конституционных свобод и прав не может быть затронута".

Справедливости ради, вероятно, следует отметить, что ни в одной стране мира драгоценное всеобщее или основное право на свободу самовыражения не трактуется как абсолют. Это право подлежит ограничению и изменению в тех случаях, когда считается, что конкурирующие права перевешивают его. В результате некоторые законы о свободе печати не только не укрепляют гарантии свободы печати, но наоборот – ослабляют их.

Законы, связывающие руки журналистам

Цензура, то есть ограничение свободы печати и самовыражения правительством, представляет собой самую серьезную угрозу существованию свободной прессы. Цензура может принимать самые разные формы:

- принудительное лицензирование;
- обязательная проверка перед публикацией;
- запрет на разглашение информации до судебного разбирательства;
- чрезвычайные налоги или сборы;
- отказ в правовой защите, на которую обычно могут рассчитывать другие деловые предприятия или граждане.

Угроза санкций после публикации, таких как уголовные штрафы или лишение свободы, может быть не менее действенным фактором запугивания, парализующим новостную организацию, чем любой предварительный запрет.

Более утонченную, но от этого не менее грозную, разновидность цензуры представляют собой требования государства, возлагающие на прессу определенные обязанности или обязательства. В некоторых автократических и демократических странах прессу обязывают печатать лишь “проверенные факты” или “истину”. Так, например, статья 20(d) Конституции Испании гласит: “Признаются и защищаются права ... на свободную передачу и получение правдивой информации в любом виде” (курсив автора).

Желание правительства иметь правдивую прессу вполне понятно. В бывших диктатурах, где пропаганда и преднамеренное распространение фальшивок были общепринятым явлением, общественность стремится получать информацию из самых разных источников. А одна из главных заповедей журналистской этики запрещает репортерам распространять заведомую ложь.

Однако требование правдивости информации лишь порождает новые вопросы: Что такое истина? Кто решает, что истинно, а что нет? Правительство?

Не подлежит сомнению, что все журналисты должны стремиться к максимальной правдивости. Но понятие истины со временем часто изменяется. То, что вначале в экстренном сообщении казалось истиной, по мере поступления новых подробностей может оказаться не соответствующим действительности.

Яркий пример этого имел место 11 сентября 2009

года, когда сети кабельного телевидения CNN и Fox сообщили, что Береговая охрана США открыла огонь по подозрительному судну на реке Потомак в Вашингтоне, неподалеку от Пентагона, где в это время проходила мемориальная служба в присутствии президента Барака Обамы. На основании информации, полученной путем прослушивания полицейских радиоволн, CNN помимо этого также поместила на сайте социальной сети Twitter следующее сообщение: “Пока Обама находится в Пентагоне, Береговая охрана разбирается с неизвестным судном. По каналу полицейской радиосвязи промелькнуло сообщение о том, что были слышны выстрелы”.

Газета Chicago Tribune сообщила, что телесетям понадобилось почти полчаса, чтобы установить, что они подслушали открытый сеанс радиосвязи, в ходе которого военнослужащие Береговой охраны воспроизвели звуки нескольких выстрелов, а затем объявили: “Мы израсходовали десять патронов”, и что это было не чрезвычайное происшествие, а обыкновенное учение. Пресс-секретарь Белого дома Роберт Гиббс пожурил телевизионщиков за нагнетание паники, заметив: “Прежде чем пускать в эфир подобные сообщения, не мешало бы проверять их достоверность”. CNN утверждала, что до того, как сообщать об инциденте, ее сотрудники связались с управлением по связям с общественностью Береговой охраны США, где им сказали, что Береговой охране ничего не известно о каком-либо происшествии на Потомаке. Береговая охрана не стала приносить извинения за свою роль в инциденте, ограничившись лишь обещанием пересмотреть “методику и сроки проведения данного учения”.

Обозреватели подвергли критике новостные СМИ за то, что те поспешили распространить сообщение, и объявили, что телесетям следовало не выпускать его в эфир до тех пор, пока не будут проверены все подробности. Но этот пример показывает, какая трудная дилемма возникает перед новостными организациями при передаче экстренных сообщений. В условиях обострившейся конкуренции на рынке СМИ стремление опередить соперников превращается во всепоглощающую страсть. Давний принцип агентства Associated Press “Будь первым, но не ошибись” выглядит едва ли не устаревшим в мире, где нельзя себе позволить ни секундной передышки, где не только традиционные СМИ, но также блогеры и другие “граждане-журналисты” наблюдают за событиями и мгновенно сообщают обо всем, что происходит.

Следовало ли правительству наказать CNN и Fox за добросовестную ошибку? В Соединенных Штатах ответ будет “нет”. Но в других странах подобная оплошность может повлечь за собой штраф или утрату лицензии.

Какой бы неприятный осадок ни оставил инцидент с Береговой охраной, во всяком случае, неразбериху с фактами удалось быстро распутать. А вот в таких вопросах, как глобальное потепление, финансовый кризис или кризис в системе здравоохранения, фактическая сторона проясняется медленнее. Как журналисты могут устанавливать истину в каждый отдельный момент? И какова ответственность правительства или общественности за то, чтобы определять и интерпретировать факты? Дело в том, что журналистика – это лишь один из способов установления истины. В свободной стране ответственность за то, чтобы проверять факты, пользуясь самыми разными источниками, прежде чем принять решение о том, что истинно, а что нет, возлагается на отдельных членов общества, а не на какое-либо государственное ведомство.

Одним из ярких примеров является ситуация, когда в 1996 году Совет Безопасности ООН призвал Руанду выявить и закрыть радиостанции, которые, по мнению его членов, разжигали ненависть и подстрекали к актам массового насилия в стране. Этот случай затронул важный вопрос: следует ли возлагать на СМИ ответственность за акты насилия, чинимые их зрителями, слушателями или читателями?

Опасность наказания подстерегает и тех, кто бросает вызов устоявшимся представлениям об исторических инцидентах. В Турции упоминание о массовой резне армян в годы Первой мировой войны как об акте геноцида считается преступлением. В 2007 году немецкий неонацист Эрнст Цюндель оказался за решеткой за публикацию заявлений с отрицанием

Вверху: Эрнст Цюндель, автор книги The Hitler We Loved and Why («За что мы любили Гитлера?») и издатель книги Did Six Million Really Die? («Шесть миллионов погибших: правда или вымысел?») в 2007 г. был приговорен к высшей мере наказания по немецкому законодательству за разжигание межнациональной розни и отрицание Холокоста. Отрицание Холокоста – отдельное уголовное преступление в некоторых странах Европы.

факта Холокоста, что в Уголовном кодексе Германии трактуется как противоправное деяние.

Естественным следствием этой проблемы являются законы о диффамации, запрещающие критиковать монархов, политических или общественных деятелей, национальные символы, либо ту или иную расу или религию. Подобные законы приняты в десятках стран по всему свету, включая государства Европейского союза, бывшего СССР, Азии, Африки и Латинской Америки. Хотя конкретные формулировки неодинаковы, все законы подобного рода неизменно носят расплывчатый и туманный характер, давая правительствам легкую возможность карать инакомыслие и заставлять молчать критиков.

Еще одно измерение возникает в тех случаях, когда попытки запретить нежелательные публикации пересекают национальные границы или предпринимаются негосударственными сторонами. Большой скандальный резонанс имела фетва, выпущенная в феврале 1989 года духовным вождем Ирана аятоллой Рухоллой Хомейни с обещанием награды за убийство британского писателя Салмана Рушди, чей роман "Сатанинские стихи" Хомейни объявил "кощунством против ислама". В сентябре 2005 года датская газета Jyllands-Posten напечатала редакционные карикатуры на пророка Мухаммеда. И вновь грянули обвинения в кощунстве, бурные протесты и смертельные угрозы в адрес карикатуристов. Подобные обвинения предъявляются не только мусульманами. Лишь в июле 2008 года британская Палата лордов проголосовала за упразднение существующих в общем праве преступлений кощунства и кощунственной клеветы.

Принудительное лицензирование

Другим механизмом ограничения свободы журналистики является принудительное государственное лицензирование. Эта мера обычно обосновывается как гарантия того, что на журналистскую стезю допускаются лишь те, кто обладает соответствующей квалификацией. Однако, как пишет Леонард Сассман, сотрудник базирующейся в Нью-Йорке правозащитной организации Freedom House, "государственное лицензирование

Вверху: Флемминг Роуз (посередине) опубликовал серию противоречивых комиксов с карикатурами на пророка Мухаммеда в датском издании Jyllands-Posten в 2005 г. Это стало поводом для ожесточенной общественной дискуссии по поводу баланса между сатирой и цензурой.

журналистов – это старинный мушкет в арсенале цензуры”. Государственное лицензирование определяет, кому разрешено заниматься журналистикой, и устанавливает приемлемые параметры репортажа и комментария. Короче говоря, оно стимулирует самоцензуру и подавляет инакомыслие и споры.

Даже в странах, где любой человек вправе заниматься журналистской деятельностью, лица, желающие встать во главе вещательной, кабельной, онлайновой или даже печатной новостной организации, могут подлежать обязательному лицензированию. Количество эфирных каналов и кабельных компаний, а также масштабы их деятельности в пределах той или иной географической территории ограничены по самой природе этого сектора. Правительства большинства стран пришли к заключению, что какое-то государственное ведомство должно служить своего рода “регулировщиком”, который распределяет рабочие частоты вещательного спектра или наделяет те или иные компании естественной монополией на предоставление услуг кабельного вещания или интернета.

В отсутствие такого лицензирования нетрудно представить себе, как кто-то начнет вещать на той же радиочастоте, что и его сосед, в результате чего возникнет полная какофония и хаос. Однако в тех случаях, когда государство выбирает, кто может управлять электронными СМИ, существует реальная опасность того, что на пути свободных потоков информации возникнут препятствия. В некоторых странах, где органы публичного вещания по традиции принадлежат государству, независимым средствам массовой информации трудно, а то и вовсе невозможно пробиться в вещательный спектр. А в странах, где в информационном пространстве доминируют частные коммерческие СМИ, вопрос о том, в какой степени государство может учитывать характер передач и редакционную политику при рассмотрении первоначальной заявки на лицензию или на ее продление, остается хронической проблемой.

С одной стороны, эфир можно рассматривать как общественное достояние, которым следует распоряжаться как коммунальными услугами, предоставляемыми “в общих интересах, для общего удобства или ввиду общей необходимости” согласно определению, содержащемуся в американском Законе о средствах связи от 1934 года. По мнению сторонников этой точки зрения, уникальный повсеместный охват, присущий электронным СМИ, оправдывает более пристальный надзор за их контентом со стороны государства. С другой стороны, вещательные органы должны обладать такой же редакционной автономией, как печатные СМИ, и подчиняться лишь законам общего характера в сфере самовыражения, запрещающим, в частности, клевету, вторжение в личную жизнь и непристойности.

Регулирование и интернет

Появление каждого нового средства связи сопровождается попытками государства поставить его под свой контроль. Некоторые страны, включая Китай, Иран, Саудовскую Аравию и Тунис, блокируют доступ к определенным веб-сайтам, политическое или культурное содержание которых не устраивает власти, держат под наблюдением то, чем занимаются в интернете определенные лица, и налагают строгие ограничения на деятельность интернет-провайдеров. Даже зрелым демократиям, в том числе Австралии, Франции, Индии и Соединенным Штатам, случается блокировать доступ к интернет-материалам, которые государство считает предосудительными, или наказывать за их публикацию.

Интернет открывает перед людьми беспрецедентную возможность общения в обход газет, телевидения и любых других традиционных средств массовой информации. Но во многих странах остаются в силе законы, принятые еще в те времена, когда, по выражению сотрудника журнала New Yorker Либлинга, “свобода печати была достоянием владельцев печатных органов”. В некоторых странах закон наделяет частных лиц правом ответа на статьи, которые они считают не соответствующими действительности, неточными, клеветническими или лживыми. Логика таких законов состоит в том, что, поскольку радиостанции, телевизионные каналы и газеты находятся в руках немногих, принцип свободного обмена идеями требует, чтобы они предоставляли несогласным с ними возможность быть услышанными.

Закрепленное законом право на ответ, в основе которого лежит представление о том, что новостная организация должна быть беспристрастной, узурпирует прерогативы редактора, вынуждая его публиковать то, что, будь его воля, он не стал бы печатать. Когда редакторы смягчают тон освещения, чтобы им не приходилось публиковать ответы, результатом становится расширение самоцензуры и сокращение количества публикаций, способных вызвать неоднозначные отклики. Как отметил один из членов Верховного суда США в решении об отмене закона штата Флорида о праве на ответ, “газета или журнал не являются коммунальной службой,

подлежащей 'разумному' государственному регулированию в отношении журналистского суждения о том, что следует публиковать".

По иронии судьбы интернет, который, казалось бы, позволяет любому, кто имеет к нему доступ, выступать в роли издателя, тем не менее, дал толчок требованиям права на ответ, предъявляемым блогерам и другим электронным журналистам. В 2006 году Европейский парламент принял рекомендацию Совета Европы сделать право на ответ обязательным для онлайновых СМИ. Совет Европы указал, что физические пространственно-временные ограничения, воздействующие на традиционные виды СМИ вроде газет или телевидения, теряют свою силу в киберпространстве, что резко удешевляет расходы в связи с соблюдением права на ответ. В 2009 году филиппинский парламент принял на рассмотрение законопроект, обязывающий каждого, кто выступает в интернете, включая блогеров и участников интернет-форумов на сайтах социальных сетей, предоставлять право на ответ любому, кто посчитает, что с ним обошлись несправедливо. Принудительную публикацию при желании вполне можно расценивать как разновидность цензуры.

.

Уравновешивание законных противоборствующих интересов

Наиболее коварное свойство цензуры состоит в том, что на первый взгляд она может показаться оправданной или разумной.

> Почему бы не предоставить государственному ведомству власть запретить новостной организации публикацию материала с грифом секретности во имя интересов национальной безопасности?
>
> Почему бы не разрешить суду запретить журналисту раскрывать подробности преступной карьеры подсудимого, обвиняемого в убийстве?
>
> Почему бы не предоставить частному лицу право потребовать, чтобы вещательная организация не разглашала на весь свет личную информацию интимного свойства, в частности, личность ребенка, подвергшегося сексуальному надругательству?
>
> Почему бы не наделить совет по лицензиям правом запретить распространение книги или кинофильма, который он сочтет предосудительным с точки зрения норм общественной морали?
>
> Что плохого в законах, запрещающих расистскую или "человеконенавистническую" речь?

Независимо от того, как общество отвечает на эти сложные вопросы, опасность заключается в том, что слишком часто подобные на первый взгляд разумные ограничения пускаются в ход с целью ущемить свободу печати, а в конечном счете и воспрепятствовать распространению непопулярных мнений и идей. Это не значит, что свобода печати во всех случаях неизбежно восторжествует или должна восторжествовать над другими основными ценностями. Проблема в том, как уравновесить законные противоборствующие интересы. Эта задача далеко не из легких.

Свобода печати является неотъемлемой составляющей свободного государства: но эта свобода состоит в отсутствии предварительных запретов на публикацию, а не в отсутствии цензуры преступных материалов после их публикации.

Уильям Блэкстон
Английский судья, юрист и профессор
1723–1780

Концепция свободной прессы

При разработке концептуальной основы свободы печати, вероятно, следует начать с рассмотрения того, какие права совершенно необходимы журналистам для добросовестного выполнения своих обязанностей. Сюда можно отнести следующие права: отсутствие предварительных запретов; защиту от принудительного разглашения информации; право на получение доступа к государственным данным и материалам судебных разбирательств; право на критику государственных должностных лиц и общественных деятелей; право на сбор и публикацию заслуживающей внимания информации об отдельных лицах; ограничения на практику государственного лицензирования журналистов и новостных организаций; не более чем узко сформулированные и строго сфокусированные ограничения на непристойную или порнографическую речь.

Отсутствие предварительных запретов

Английский юрист 18-го столетия Уильям Блэкстоун был убежден, что “свобода печати является неотъемлемой составляющей свободного государства: но эта свобода состоит в отсутствии предварительных запретов на публикацию, а не в отсутствии цензуры преступных материалов после их публикации”. Блэкстоун провел очень важное разграничение. Присвоенное английским правительством право выдавать лицензии и решать, кому позволено владеть печатным станком, и что ему разрешено печатать, представляет собой квинтэссенцию ограничения свободы самовыражения. Запрещая слово еще до того, как оно произнесено, правительство подавляет обсуждение и душит инакомыслие.

Но с точки зрения Блэкстоуна ответственность за распространение того или иного материала по праву возлагается на издателя. Блэкстоун за то, чтобы лишить правительство права подвергать цензуре речь, но он не возражает против наложения санкций после ее публикации.

Редко в какой стране правительство неукоснительно следует рекомендации Блэкстоуна и запрещает все виды предварительных ограничений на деятельность печати. Мы рассмотрим виды ограничений, которые признаны законными во многих странах. Ниже приводятся обстоятельства, при которых предварительный запрет может выглядеть как вполне целесообразная мера:

Необходимо установить наличие жизненно важного интереса.

Сфера действия запрета должна быть ограничена конкретным пределом, позволяющими адекватно решить проблему, диктуемую жизненно важным интересом.

Запрет должен быть четко сформулирован, чтобы не допускать двоякого толкования, и иметь максимально ограниченный срок действия.

Необходимо продемонстрировать, что запрет на самом деле отвечает установленному

жизненно важному интересу или позволяет предотвратить конкретный вред.

Уведомление о запрете и возможность гласно оспорить его должны предшествовать вступлению запрета в силу.

Какого рода интересы могут считаться достаточно важными, чтобы оправдать предварительный запрет? К подобным интересам, в частности, относятся:

конфиденциальные данные или внутренняя информация фирмы;

личная информация сугубо интимного характера;

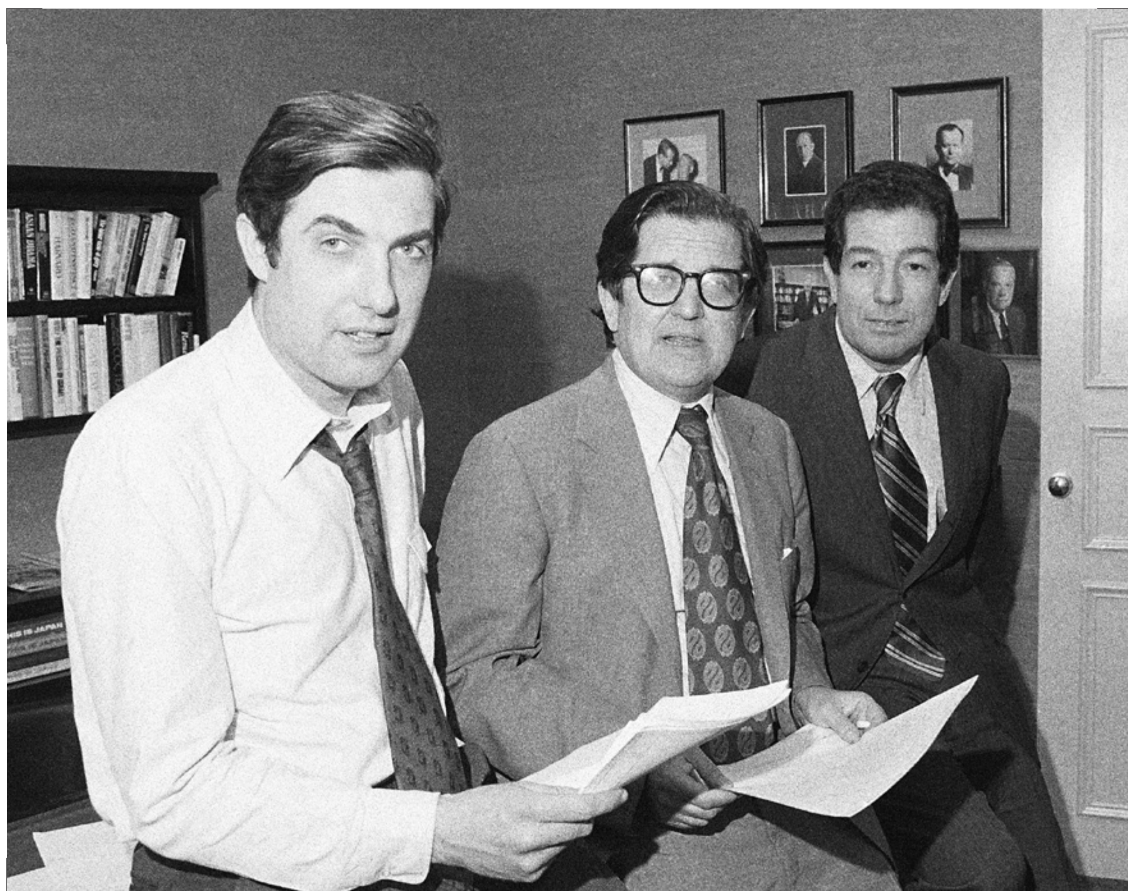
информация, относящаяся к текущему уголовному расследованию или судебному разбирательству;

материал, охраняемый авторским правом;

материал порнографического или непристойного характера.

Но, вероятно, наиболее часто предварительный запрет обосновывается интересами национальной безопасности. В таком случае журналист сталкивается с подлинной дилеммой. С одной стороны, никому не хочется подрывать национальную безопасность, распространяя информацию, представляющую реальную угрозу. С другой стороны, государственные должностные лица могут не устоять перед искушением ввести обширную цензуру по соображениям охраны национальной безопасности.

Верховный суд США рассматривал этот вопрос при разбирательстве дела “New York Times Co. против Соединенных Штатов” (1971 год), которое часто называют “Делом о документах Пентагона”. После того, как газета New York Times начала печатать выдержки из секретных документов об американском вмешательстве во Вьетнаме, администрация президента Ричарда Никсона попыталась воспрепятствовать дальнейшим публикациям с помощью запретительного судебного ордера. Верховный суд отверг притязания правительства. “В отношении любой системы предварительных запретов данный суд исходит из обоснованной

Вверху: (справа налево) репортер Нил Шихан, управляющий редактор А. М. Розенталь и редактор зарубежных новостей Джеймс Л. Гринфилд входили в команду издания New York Times, отвечавшую за публикацию документов Пентагона – выдержек из секретных документов правительства США об участии Америки во Вьетнамской войне.

презумпции ее конституционной несостоятельности", – говорилось в постановлении суда, который заключил, что в данном случае правительство не справилось "с возложенным на него бременем доказывания оправданности такого запрета".

Это лаконичное постановление не проливает достаточно света на логику, которой руководствовался суд. Из него трудно понять, какие условия могут оправдывать предварительный запрет в будущем, и вообще – существуют ли такие условия. Мы знаем лишь, что в данном деле правительство не справилось с возложенным на него бременем доказывания оправданности запрета. Верховный суд не указал, что правительство никогда не сможет этого сделать.

Однако с практической точки зрения "Дело о документах Пентагона" воздвигло фактически непреодолимый барьер на пути любых попыток правительства Соединенных Штатов ввести цензуру по соображениям национальной безопасности. С тех пор Верховный суд ни разу не выступил в поддержку предварительного запрета на право СМИ публиковать информацию, имеющую отношение к сфере национальной безопасности, даже в напряженной атмосфере, возникшей после терактов 11 сентября 2001 года.

Учитывая ограниченный характер территориальной юрисдикции, ни одному государству не удалось наложить запрета, реально действующего в глобальном масштабе. В конце 1980-х годов правительство Великобритании всячески пыталось воспрепятствовать публикации мемуаров бывшего агента британской контрразведки МИ-5 под названием "Ловец шпионов", но в конечном итоге потерпело неудачу. Хотя английский суд удовлетворил требование правительства и наложил запрет на публикацию книги, она имела широкое хождение в Австралии и даже в Шотландии, являющейся частью Великобритании, но находящейся вне юрисдикции английского суда. Из Австралии, Шотландии и других мест копии запрещенной книги хлынули в Англию, и в конечном счете английские суды были вынуждены отменить запрет на том основании, что, коль скоро книга напечатана за пределами страны, подлежащих охране секретов уже не существует. В разгар этой полемической бури британское издание журнала Economist вышло с пустой страницей под заголовком: "Во всех странах, за исключением одной, на этой странице мы предлагаем нашим читателям рецензию на 'Ловца шпионов' – книгу, принадлежащую перу бывшего сотрудника МИ-5 Питера Райта. Этим исключением является Великобритания, где книга и комментарии к ней находятся под запретом. Для 420 000 читателей в этой стране данная страница пуста, а закон глуп".

Дело "Ловца шпионов" возникло еще до появления интернета. Сегодня бурный рост новых средств массовой информации создает существенные препятствия на пути любых попыток применения принципа предварительного запрета. Примером этому может послужить дело Wikileaks. В феврале 2008 года федеральный судья в Калифорнии наложил бессрочный судебный запрет на Wikileaks – сайт, по утверждению его создателей основанный "китайскими диссидентами, журналистами, математиками и ... специалистами в области современных технологий из США, Тайваня, Европы, Австралии и Южной Африки" с целью "разоблачения неэтичного поведения ... со стороны органов власти и корпораций". Wikileaks разрешал пользователям анонимно публиковать у себя самые разные документы – от правил ведения боевых действий американскими войсками и инструкций по содержанию заключенных в тюрьме Гуантанамо до конфиденциальной информации о счетах в швейцарских банках. Сайт утверждал, что не отвечает за содержание материалов, размещаемых на нем пользователями.

В судебном запрете калифорнийской компании Dynadot, которая зарегистрировала доменное имя Wikileaks, предписывалось немедленно заблокировать и вывести из употребления это доменное имя, а также пресечь доступ ко всем документам на указанном веб-сайте. Однако, по сообщению газеты New York Times, даже после того, как компания Dynadot выполнила судебный приказ, пользователи со всего мира по-прежнему имели возможность выходить на веб-сайт Wikileaks и читать размещенные на нем материалы, пользуясь зеркальными веб-сайтами, зарегистрированными в Бельгии, Германии и на Островах Рождества. Спустя две недели после введения запрета, он был отменен тем же федеральным судьей, который его отменил. "Ясно, что запрет, ограничивающий свободу слова, недопустим за исключением лишь самых чрезвычайных обстоятельств", – записал в своем решении судья Джеффри Уайт. Он также отметил, что его первоначальный запрет не только не достиг своей цели, но "имел эффект прямо противоположный задуманному", ввиду того, что освещение запрета в печати привлекло повышенное внимание общественности к материалам, выложенным на веб-сайт Wikileaks.

Другие разновидности постановлений о запрещении передачи информации, судебных запретов и запретительных судебных распоряжений

будут более подробно разбираться в соответствующих разделах ниже.

Защита от принудительного разглашения информации

Право журналиста на защиту от разглашения конфиденциальных источников и неопубликованной информации является залогом обеспечения как свободного потока информации, так и права общественности на доступ к информации. Для того, чтобы источники могли свободно делиться с репортерами имеющимися в их распоряжении сведениями, у них должна быть уверенность в том, что их личность не будет раскрыта. Во имя сохранения своей редакционной независимости репортеры также должны обладать возможностью оберегать собранную ими информацию от назойливого внимания властей или частных организаций. Без подобных гарантий способность прессы осуществлять надзор за деятельностью органов власти и разоблачать факты коррупции будет серьезно подорвана.

Кодексы журналистской этики в большинстве случаев требуют от журналистов защиты конфиденциальности источников. Для репортера выполнение этого завета представляет собой вопрос как чести, так и практической необходимости. Журналист, нарушивший обещание конфиденциальности, не сможет в дальнейшем рассчитывать на доверие других источников. По этой причине журналисты свято хранят тайну своих источников, даже если это сопряжено с риском навлечь на себя наказание за неуважение к суду.

Такое право журналистов было убедительно обосновано Европейским судом по правам человека в решении по делу “Гудвин против Великобритании” (1996 год). Фигурантом дела был репортер Уильям Гудвин, получивший конфиденциальную финансовую информацию об одной компании от источника, личность которого он обещал держать в тайне. Потерпевшая компания утверждала, что информация была у нее украдена, и заручилась судебным запретом на ее распространение, а также поддержкой суда, который на основе Закона о неуважении к суду потребовал, чтобы Гудвин “в интересах правосудия” раскрыл личность своего информатора, с тем чтобы компания смогла возбудить против него судебный иск.

После того, как Апелляционный суд и Палата лордов поддержали позицию суда нижней инстанции, Гудвин подал апелляцию в Европейский суд по правам человека, утверждая, что в рамках статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека он может быть принужден к даче показаний лишь в силу чрезвычайных обстоятельств. Со своей стороны британское правительство утверждало, что в данной ситуации не существует жизненно важного общественного интереса, который оправдывал бы признание профессиональной журналистской привилегии, особенно учитывая, что информатор в худшем случае действовал безответственно, передавая Гудвину внутреннюю информацию фирмы.

Европейский суд решил дело в пользу журналиста, рассудив, что интереса потерпевшей компании в выявлении источника было недостаточно, чтобы перевесить жизненно важную общественную необходимость соблюдения журналистом конфиденциальности своих источников:

> "Защита источников информации является одним из основных условий свободы печати. . . . Отсутствие такой защиты может охладить готовность обладателей информации помогать прессе информировать общественность о событиях и фактах, представляющих важный общественный интерес. В результате может быть подорвана важнейшая роль прессы в качестве “общественного наблюдателя”, что может иметь негативные последствия для способности прессы снабжать общество точной и проверенной информацией. Учитывая важность защиты журналистских источников информации для обеспечения свободы печати в демократическом обществе и потенциально охлаждающий эффект, который может оказать на свободу прессы приказ раскрыть источник информации, подобное требование не соответствует условию необходимости в интересах общества и в силу этого несовместимо со статьей 10 конвенции".

Решение по делу “Гудвин против Великобритании” обязательно для всех стран, присоединившихся к Европейской конвенции о защите прав человека, но его влияние ощущается даже за пределами Европейского союза. Другие международные и региональные организации, включая Межамериканскую комиссию по правам человека и Африканскую комиссию по правам человека и народов, выпустили декларации о признании права журналистов на неразглашение своих источников и неопубликованной информации.

В некоторых странах профессиональная журналистская привилегия закреплена в конституции. Так, Конституция Палау гласит: “Правительство не имеет права потребовать ни от одного настоящего

журналиста разглашения информации, добытой в ходе профессионального расследования, и лишить его свободы за отказ разгласить такую информацию”. Шведский Закон о свободе печати, который является составной частью национальной конституции, предоставляет журналистам расширенные привилегии, ограниченные лишь небольшим числом исключений, в частности, случаями, когда источник подозревается в шпионаже или государственной измене, или если обвиняемый по уголовному делу может доказать, что информация, которую стремится получить журналист, необходима ему для судебной защиты. Закон также предусматривает возможность судебного преследования журналиста, разглашающего личность своего информатора без его согласия.

В других странах суды выносят постановления о том, что профессиональная журналистская привилегия проистекает из положений конституции. Так, например, в 2006 году Верховный суд Японии постановил, что статья 21 конституции страны, гарантирующая свободу слова, также защищает “свободу сбора новостей” и их распространения. В 2008 году Апелляционный суд канадской провинции Онтарио отменил постановление суда первой инстанции, наложившего санкции за неуважение к суду на репортера, отказавшегося раскрыть источник опубликованных им конфиденциальных данных муниципального расследования в отношении некоммерческого дома для престарелых. Апелляционный суд постановил, что право на неразглашение конфиденциальных источников информации является важной составной частью свободы слова, как она определена в Канадской хартии прав и свобод. В постановлении Апелляционного суда говорилось, что “вероятным следствием разглашения конфиденциального источника журналиста станет нежелание иметь дело со СМИ других потенциальных источников, которые по тем или иным причинам считают необходимым оставаться в тени”. Хотя суд отказался поставить под абсолютную защиту все виды конфиденциальной информации, содержащиеся в журналистских сообщениях, в его постановлении признается, тем не менее, что ввиду столкновения конкурирующих прав санкции за неуважение к суду следует применять только в самом крайнем случае.

В некоторых странах закон разрешает журналистам при определенных обстоятельствах отказываться от дачи свидетельских показаний. В двух десятках стран, включая Мексику, Индонезию, Мозамбик и Турцию, принято законодательство, признающее абсолютную профессиональную привилегию журналистов по защите своих источников. Более распространены национальные законы, признающие ограниченную профессиональную журналистскую привилегию, которая может отменяться при определенных обстоятельствах. К примеру, в Армении закон признает профессиональную журналистскую привилегию, но разрешает отменять ее в тех случаях, когда информация имеет непосредственное отношение к делу о чудовищном преступлении, и налицо настоятельный общественный интерес к ее разглашению. В некоторых странах, в том числе в Германии и США, покровительство закона оставлено на усмотрение отдельных земель или штатов. Подобно национальному законодательству, такие законы могут носить либо абсолютный, либо ограниченный характер.

В Соединенных Штатах 39 штатов и федеральный округ Колумбия приняли законы о праве журналистов на соблюдение конфиденциальности своих источников или неопубликованной информации, однако Конгресс не смог одобрить (по состоянию на лето 2010 года) представленный на его рассмотрение федеральный законопроект о признании профессиональной журналистской привилегии. Это означает, что законы штатов действуют в некоторых судебных разбирательствах на уровне штатов, но не в федеральной судебной системе.

(Дополнительные сведения о разграничении функций федерального и штатного законодательства и судов приводятся в брошюре “Краткое описание юридической системы США” – http://www.america.gov/publications/books/outline-of-u.s.-legal-system.)

Хотя каждому обществу предстоит самостоятельно выработать точные контуры профессиональной журналистской привилегии в отношении принудительного разглашения информации, эффективная привилегия должна содержать ответы на следующие вопросы:

> Насколько широко она применяется? Привилегия должна распространяться на любого, кто занимается журналистской деятельностью, то есть на любого, кто причастен к процессу сбора, написания, редактирования или публикации новостей или информации в целях предания их гласности, будь-то за вознаграждение или бесплатно.
>
> Ограничена ли она форматом СМИ? Привилегия, обладающая наибольшей эффективностью, не должна ограничиваться лишь печатными и вещательными средствами

массовой информации. Она распространяется также на писателей, блогеров и других лиц, занимающихся распространением своей продукции в интернете.

- Какие источники она защищает? Всеобъемлющая привилегия должна распространяться не только на личность источника, но также на неопубликованную информацию и документальные материалы, в частности, фотоснимки, заметки, магнитофонные записи, черновики и другие виды неопубликованной журналистской продукции.

В отсутствие абсолютной привилегии сторона, желающая принудить журналиста раскрыть конфиденциальные источники и информацию, должна представить достаточные основания для своего требования. В разных государствах “достаточные основания” интерпретируются по-разному, но, как правило, включают следующие элементы:

Запрашиваемую информацию невозможно получить из другого нежурналистского источника после того, как исчерпаны все разумные альтернативы.

Запрашиваемая информация существенна, то есть совершенно необходима для разрешения судебного дела, к которому она относится (например, для доказательства невиновности обвиняемого по уголовному делу).

Судья должен заключить, что общественная заинтересованность в раскрытии информации перевешивает общественную заинтересованность в свободном потоке информации.

Последний элемент наиболее проблематичен. Когда другой интерес преобладает над основным правом свободы печати? Например, в случаях, когда затронута национальная безопасность, власти нередко утверждают, что соображения охраны общественной безопасности перевешивают необходимость в защите редакционной независимости. В Соединенных Штатах попытки провести федеральное законодательство, освобождающее журналистов от необходимости раскрывать источники конфиденциальной информации, из года в год терпят неудачу отчасти из-за опасения, что террористы воспользуются им для сокрытия обмена сообщениями от наблюдения правоохранительных органов.

Особые проблемы стоят перед военными корреспондентами. Безопасность журналистов может напрямую зависеть от сохранения конфиденциальности источников информации. Но что произойдет, если журналист вызван для дачи свидетельских показаний в трибунал по военным преступлениям в качестве очевидца зверств?

В 1993 году корреспондент газеты Washington Post Джонатан Рэндал взял интервью у сербского националиста Радослава Брджанина и привел несколько цитат в своей статье об этнических чистках. Спустя годы, когда Рэндал уже оставил занятия журналистикой, против Брджанина было выдвинуто обвинение в геноциде. Прокуратура решила приобщить статью Рэндала к доказательствам на судебном разбирательстве в Международном уголовном трибунале ООН по бывшей Югославии (МТБЮ). Защита настояла на своем праве подвергнуть автора статьи перекрестному допросу, и бывший репортер был вызван по повестке в суд. Рэндал отказался явиться в суд на том основании, что принуждение к даче свидетельских показаний помешает ему заниматься сбором новостей в зонах военных действий и поставит под угрозу его личную безопасность, если информаторы будут рассматривать его как потенциального свидетеля.

В декабре 2002 года Апелляционная палата признала ограниченный свидетельский иммунитет военных корреспондентов даже в тех случаях, когда они пользуются неконфиденциальными источниками, и их информация уже предана гласности. В решении Апелляционной палаты военные корреспонденты определяются как “лица, в течение любого периода времени ведущие репортажи (или ведущие расследования для целей репортажа) из зоны конфликта по вопросам, относящимся к конфликту”. Палата признала, что для выполнения своих функций “военные корреспонденты должны восприниматься как независимые наблюдатели, а не как потенциальные свидетели обвинения. В противном случае их личная безопасность и безопасность их источников могут подвергаться более частым и более серьезным угрозам”. Апелляционная палата постановила, что “признанный масштаб защиты прямо пропорционален ущербу, который может быть причинен функции сбора новостей”. В ее решении говорится, что для того, чтобы принудить к даче свидетельских показаний, сторона, потребовавшая вызова свидетеля в суд по повестке, должна показать, что указанные свидетельские показания обладают “непосредственной и существенной ценностью для прояснения того или иного ключевого аспекта разбирательства”, и что в разумных пределах их

нельзя получить из какого-либо другого источника.

Случай с Рэндалом получил неоднозначную оценку. Хотя его апелляцию поддержало более 30 международных агентств новостей, Эд Вульями, британский журналист, который тоже освещал войну в Боснии и добровольно выступил со свидетельскими показаниями на процессе Милана Ковачевича, объявил, что считает позицию Рэндала ошибочной. "Возражения Washington Post воздвигнуты на краеугольном камне журналистской профессии – нейтралитете, – писал Вульями. – Но я убежден, что в истории бывают времена, ... когда нейтралитет перестает быть нейтральным и оборачивается соучастием в преступлении. ... Суд должен настаивать на том, чтобы журналисты под присягой подтверждали достоверность своих сообщений".

Смежная проблема касается полномочий властей по проведению обыска редакционных помещений. В 1978 году Верховный суд США принял к рассмотрению дело «Церкер против Stanford Daily», в котором истец утверждал, что полицейские незаконно вторглись в редакцию студенческой газеты и конфисковали неопубликованные фотоснимки насильственной конфронтации полиции и демонстрантов, штурмовавших и оккупировавших больницу Стэнфордского университета. Студенческая газета утверждала, что Первая поправка к Конституции защищает ее от обысков ее помещения правоохранительными органами. Но член Верховного суда Байрон Уайт, выступая от имени большинства своих коллег, постановил, что новостные организации не пользуются каким-либо особым статусом в рамках Первой поправки, хотя они, как любое другое юридическое лицо, защищены Четвертой поправкой от «необоснованных обысков и арестов».

В своем особом мнении член Верховного суда Потер Стюарт указал:

> «Мне представляется самоочевидным, что полицейские обыски газетных редакций представляют собой посягательство на свободу печати. Наиболее непосредственный и явный ... ущерб ... проистекает из физического нарушения обстановки в редакции. ... Но с проведенным без предупреждения полицейским обыском помещения газеты связан также и более серьезный ущерб: возможность разглашения информации, полученной от конфиденциальных источников, или личности самих информаторов».

В виде реакции на это решение Верховного суда в 1980 году Конгресс США принял Закон об охране прав личности, который запрещает как федеральным, так и местным правоохранительным органам конфискацию документов или статей, находящихся во владении лиц, которые намереваются предать их гласности (то есть журналистов). Исключение предусмотрено лишь для материалов, необходимых для предотвращения гибели или серьезного физического ущерба, и для детской порнографии. Подобным же образом в 1995 году Апелляционный суд Новой Зеландии постановил, что обыски рабочих мест журналистов допустимы лишь в исключительных случаях, когда того требуют интересы правосудия, и при этом они должны проводиться таким образом, чтобы не помешать распространению новостей.

Однако в других странах обыски редакций газет – рядовое явление. К примеру, в 2004 году независимая Комиссия против коррупции в Гонконге получила 14 ордеров на обыск редакций и жилищ журналистов. Комиссия стремилась установить, кто раскрыл газете имя некоего свидетеля. Апелляционный суд признал обыски оправданными.

Хотя Европейский суд по правам человека считает, что обыски редакций газет являются нарушением статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека, они по сей день разрешены во многих странах Европы, за исключением лишь Австрии и Германии. В феврале 2007 года Конституционный суд Германии постановил, что подобные обыски нарушают конституционную свободу слова.

Законы по борьбе с терроризмом, принятые в большинстве стран мира начиная с 2001 года, расширили полномочия правоохранительных и разведывательных органов по перехвату коммуникаций посредством прослушивания телефонных разговоров и других методов аналогичного характера. По этим законам журналистам, как правило, предоставляется не меньше, но и не больше защиты, чем другим гражданам.

Однако в ряде стран новостные средства массовой информации находятся под особой защитой. В Грузии перехват журналистских сообщений в целях раскрытия профессиональной тайны трактуется как преступление. В Бельгии Закон о защите журналистских источников накладывает на попытки принудить к раскрытию конфиденциального источника такие же ограничения, как на полицейскую слежку.

Подводя итоги, следует отметить общепризнанность того, что защита

конфиденциальности является залогом сохранения независимости журналистов.

Право на доступ к государственной информации

В чем важность права на доступ к государственной информации и материалам судопроизводства?

Он способствует подотчетности правительства перед гражданами. Как однажды заметил один из членов Верховного суда США, законы о свободе информации позволяют гражданам выяснять, "чем именно занимается правительство" в настоящее время, а также узнавать о его деятельности в прошлом. Способствуя профилактике предосудительного поведения, доступ к государственной информации выступает в роли ценного антикоррупционного средства и укрепляет доверие общества к правительству.

- Он предоставляет в распоряжение общественности громадные объемы информации, собираемой и хранимой правительством на средства от налогов.

Располагая возможностью получения информации из открытых источников, журналисты, освещающие деятельность правительства, освобождаются от необходимости полагаться на добрую волю или капризы осведомителей из числа государственных служащих и могут более успешно проникать в тайны расходования денег налогоплательщиков и механизмов выработки и претворения в жизнь политических решений.

Доступ журналистов к государственной информации является необходимым средством строительства и сохранения демократии.

Признание важности прозрачности закреплено во многих международных соглашениях:

Статья 19 Всеобщей декларации прав человека и статья под тем же порядковым номером Международного пакта о гражданских и политических правах гарантируют право искать, получать и передавать информацию. Эта формулировка трактуется как источник права на свободу информации.

Статья 9 Конвенции Африканского союза (АС) о предотвращении коррупции и борьбе с нею (договора, подписанного 40 из 53 членов АС) гласит: "Каждое государство-участник принимает законодательные и другие меры, предназначенные обеспечить право доступа к любой информации, необходимой как подспорье в борьбе против коррупции и связанных с ней преступлений".

Организация американских государств, Арабская хартия прав человека и многие другие договоры, конвенции, соглашения и декларации признают свободу информации как одно из основных прав человека.

Однако дела нередко расходятся со словами. Государства сами решают, проводить ли в жизнь эти высокие принципы, и если да – то как. Журналист, вознамерившийся реализовать свое право на получение информации, рискует получить отрезвляющий урок.

Свобода информации является конституционным правом приблизительно в 80 странах. Шведский закон о печати от 1766 года, рассматриваемый многими как первый законодательный акт о свободе информации, включен в конституцию страны. В некоторые более давние конституции внесены поправки о праве на получение информации. Многие развивающиеся демократии в Центральной и Восточной Европе и Латинской Америке включили в текст своих новых конституций положения о доступе к информации. Но даже если конституции не содержат четко сформулированных положений на этот счет, конституционные суды ряда стран, в том числе Южной Кореи, Японии и Израиля, заключили, что право на свободу слова или печати подразумевает право на доступ к информации.

Еще более 70 стран приняли законы о свободе информации. Это право имеет достаточно глубокие корни в Европе и на американском континенте, однако оно менее прочно укоренилось в Азии, Африке и на Ближнем Востоке. Однако во всем мире очевидна тенденция к большей прозрачности в деятельности правительств.

Законы о свободе информации

У большинства законов о свободе информации есть общие принципы и характеристики. Поскольку для многих недавно принятых законов такого рода образцом послужил американский федеральный Закон о свободе информации (FOIA), он

будет рассматриваться в качестве примера.

Президент Линдон Джонсон подписал FOIA 4 июля 1966 года. Вопреки своему названию этот закон формально не создавал права на доступ к информации, а лишь утверждал презумпцию права доступа к существующим материалам в печатной или цифровой форме, находившимся в собственности органов исполнительной власти в лице министерств, ведомств и комиссий регулирования, а также контролируемых правительством корпораций. К их числу относились, например, Государственный департамент, министерства обороны и юстиции, Федеральное бюро расследований, Центральное разведывательное управление и многие другие учреждения. В отличие от законов таких стран, как Ирландия, американский FOIA не содержит поименного перечня подпадающих под его действие ведомств, но в то же время не делает исключения в категорической форме для органов разведки и безопасности, как в Великобритании. Однако действие FOIA не распространяется на законодательную и судебную ветви власти. Доступ к документам, находящимся в собственности органов исполнительной власти штатного и местного уровней, подпадает под действие законов штатов об открытом правительстве.

В Соединенных Штатах, как и в большинстве стран, запрос в рамках FOIA может подать любой желающий. Для этого не требуется ни гражданства, ни постоянного вида на жительство, и доступ открыт для всех, а не только для журналистов. Лицам, обращающимся с запросами согласно FOIA, предлагается пользоваться как физическими, так и виртуальными правительственными читальными залами для получения беспрепятственного доступа к материалам, уже рассекреченным в рамках так называемых инициатив E-FOIA или переведенным в открытый доступ по ранее поданным запросам. Им также предлагается до подачи формального запроса по FOIA связываться с уполномоченным данного ведомства по вопросам FOIA для обсуждения в неофициальном порядке, какие виды архивных материалов можно получить по запросу. В Соединенных Штатах для подачи запроса по линии FOIA не требуется никакой специальной формы – достаточно простого письма на имя соответствующего уполномоченного по вопросам FOIA с ясным описанием запрашиваемого материала. Большинство ведомств принимают запросы как в письменном виде, так и через интернет.

Однако, несмотря на презумпцию открытости, практически любой закон о свободе информации предусматривает исключения – категории документов, в доступе к которым может быть отказано на законных основаниях. Американский закон FOIA предусматривает девять исключений, которые, согласно положениям самого закона и разъяснениям Министерства юстиции, должны трактоваться в узком смысле:

национальная безопасность;

внутренние правила и служебные процедуры ведомства;

служебные записки для внутренней рассылки (рабочие донесения, отчеты и исследования, подготовленные как часть процесса принятия решений ведомства);

профессиональная тайна;

материалы, засекреченные по другому федеральному закону;

материалы правоохранительного характера;

банковская учетная документация;

данные о нефтяных и газовых промыслах;

материалы, содержащие информацию, разглашение которой выльется в необоснованное нарушение неприкосновенности частной жизни.

Большинство этих исключений не являются обязательными. Ведомство может открыть доступ к запрошенным материалам, если оно придет к заключению, что общественная заинтересованность в раскрытии данной информации перевешивает любой потенциальный ущерб. Ведомство должно быть готово представить убедительное обоснование любого исключения и закрывать доступ лишь к предусмотренной законом части любого документа, не препятствуя доступу к его оставшейся части. Основания для отказа в доступе к тому или иному документу могут со временем отпасть. Если запросы касаются секретных документов, податели могут при желании обжаловать отказ в специальной апелляционной комиссии, которая установит, можно ли снять гриф секретности с данного документа. В некоторых странах, но не в США, законы о доступе к государственной информации запрещают засекречивать конкретные категории информации.

В Соединенных Штатах нет закона о неразглашении государственной тайны похожего на те, что существуют во многих других странах, тем не менее, доступ к документам, засекреченным в законном порядке президентским указом, может быть закрыт. В сгустившейся атмосфере по следам событий 11 сентября 2001 года во многих странах мира практика засекречивания информации получила более широкое распространение, воздвигая новые препятствия на пути

граждан, пытающихся получить доступ к документам разведывательных и правоохранительных органов. А поскольку власти ныне собирают больше информации личного характера, государственные ведомства часто закрывают доступ к своим документам, ссылаясь на необходимость защиты приватности согласно исключениям из закона о свободе информации. Подобные исключения часто сформулированы весьма туманно и не поддаются легкому толкованию, а при наличии малейшего сомнения архивариусы склонны отказывать в запросах на хранимые у них документы.

Податель запроса имеет право обжаловать отказ. Согласно FOIA, так же как и соответствующим законам в большинстве стран, этот процесс начинается с требования рассмотреть жалобу внутри самого ведомства. Иногда применение подобной тактики приводит к получению разрешения на доступ к данным. Следующим этапом является обжалование за пределами ведомства. В Соединенных Штатах это означает возбуждение иска в федеральном окружном суде с возможностью обжалования в федеральных апелляционных инстанциях и даже в Верховном суде США. В других странах и в некоторых штатах США податель запроса может апеллировать к омбудсмену, уполномоченному разбирать жалобы, относящиеся к FOIA, либо к независимому информационному трибуналу или комиссии. Но и в этих юрисдикциях окончательное разбирательство происходит на уровне национального суда.

Вверху: 21 января 2009 г. президент США Барак Обама подписал пять административных указов, требующих от сотрудников государственных органов соблюдать новые строгие правила, предусмотренные Законом о свободе информации. В меморандуме, опубликованном в тот же день, президент Обама заявил: «Опасения того, что раскрытие информации может быть неприятным для государственных деятелей и продемонстрировать общественности ошибки и недоработки, а также другие умозрительные или абстрактные опасения – не повод для правительства хранить информацию в тайне».

В случае выигрыша податель жалобы не только получает доступ к затребованным им документам, но и получает компенсацию за гонорар его адвокатов. В некоторых штатах США и во многих других странах суды вправе налагать санкции на государственные ведомства и их служащих, преднамеренно отклоняющих запросы на документы в нарушение закона. Санкции могут выражаться в денежных штрафах, а в редких, особо вопиющих случаях даже в лишении свободы.

Но даже когда закон требует предоставления доступа к информации, перегрузка персонала, нехватка ресурсов и административные проволочки могут приводить к задержкам в удовлетворении запросов. В большинстве законов о свободе информации устанавливаются короткие сроки выдачи первоначальных ответов, но отводится дополнительное время для обработки сложных запросов. В Соединенных Штатах National Security Archive, частная организация, проводящая исследования политики в области доступа к информации, в 2007 году сообщила, что самый старый невыполненный запрос по FOIA был подан 20 лет назад (хотя в большинстве случаев запросы выполняются оперативнее). В некоторых обстоятельствах, как, например, в тех случаях, когда журналист может продемонстрировать жизненно важную заинтересованность общества в немедленном раскрытии запрашиваемой информации, податель запроса имеет право требовать рассмотрения своего ходатайства в ускоренном порядке.

Государственные ведомства могут обладать правом взимать плату за обработку запросов, даже если они выполняются не полностью. В некоторых странах (но не в Соединенных Штатах) взимаются сборы за подачу запроса независимо от его размера или масштаба. В других странах податель запроса обязан покрыть административные издержки, включая время, потраченное на поиски запрашиваемого материала, удаление из него не подлежащей разглашению информации и копирование. Согласно американскому Закону о свободе информации, определенные категории подателей запросов, включая рядовых граждан и представителей печати, вправе требовать полной или частичной отмены указанной платы, но коммерческие податели (не исключая и новостные СМИ) обязаны

платить все надлежащие сборы, которые определяются ведомством по утвержденной шкале.

Законы о свободе информации создают презумпцию открытого доступа. Информация, полученная благодаря запросам по FOIA, легла в основу тысяч статей в СМИ. Некоторые из содержавшихся в них разоблачений поставили правительство в щекотливое положение – от резни, учиненной в 1968 году во вьетнамской деревне Милай, до антисанитарных условий на предприятиях пищевой промышленности, от перерасхода средств фирмами при выполнении оборонных заказов до перечня самых опасных производств в Соединенных Штатах. По материалам, добытым в рамках FOIA, даже пишутся статьи о неопознанных летающих объектах (НЛО). Все, что нужно, это лишь упорство в борьбе за свои права по этому закону.

Доступ к судопроизводству

Деятельность судебных органов оказывает громадное влияние на жизнь граждан и представляет для них большой интерес. Тем не менее, когда журналисты берутся за освещение судебных дел, они рискуют навлечь на себя гнев всех участников процесса. Попросту говоря, журналисты часто стремятся предать гласности информацию, которую и защита, и обвинение, и судья предпочли бы сохранить в тайне.

В большинстве стран как минимум по умолчанию признается, что с учетом определенных ограничений судопроизводство должно быть открытым для прессы и общественности. Статья 6 Европейской конвенции о защите прав человека, в частности, гласит:

> "При определении гражданских прав и обязанностей или каких-либо уголовных обвинений против любого человека, он имеет право на справедливое и публичное разбирательство, проводимое в разумные сроки независимым и беспристрастным законным судебным органом. Решение суда объявляется публично, но судебный процесс может быть полностью или частично закрыт для представителей печати и общественности в интересах морали, общественного порядка

Вверху: Американский военнослужащий Рон Райденауэр – человек, стараниями которого общественности стало известно о массовом убийстве в Сонгми (1968 г.). Он собрал свидетельства очевидцев и разослал письма 30 членам Конгресса и должностным лицам Пентагона. В дальнейшем Райденауэр посвятил себя журналистским расследованиям.

> или национальной безопасности демократического общества; в тех случаях, когда того требует защита интересов несовершеннолетних или соображения охраны частной жизни сторон процесса; либо, в степени, строго необходимой по мнению суда в особых обстоятельствах, когда гласность способна воспрепятствовать отправлению правосудия".

В странах общего права англо-саксонская правовая традиция, начиная с Великой хартии вольностей (1297), включает презумпцию гласности судебного разбирательства как гарантию защиты прав обвиняемого и обеспечения подотчетности. В частности, в Соединенных Штатах, начиная с 1980 года Верховный суд в серии решений сформулировал широкое толкование права обвиняемых по уголовным делам на справедливое и публичное судебное разбирательство в рамках Шестой поправки к Конституции, а также права прессы и общественности присутствовать на процессах в рамках Первой поправки. Многие суды признают также и презумпцию права доступа к судебным документам.

В то же самое время Верховный суд США вынес постановление, что презумпция гласности может уступать определенным интересами государства – например, если возникает существенная угроза праву подсудимого на справедливый суд или жизненно важная необходимость защитить частную информацию того или иного свидетеля или жертвы при даче свидетельских показаний. Однако прежде чем очистить зал суда от журналистов и публики, председательствующий обязан подумать, не существует ли иной альтернативы для предотвращения угрозы, и удостовериться в том, что тайна судопроизводства будет действительно сохранена. Помимо этого, проведение разбирательства при закрытых дверях должно быть по возможности максимально ограничено по длительности и охвату.

Во многих странах, например в Испании и Швеции, существуют аналогичные конституционные гарантии гласного отправления правосудия. Однако при этом возникает отдельная проблема, связанная с ограничениями того, что журналисты могут сообщать о предстоящем или текущем судебном разбирательстве.

Предварительные запреты и постановления о запрещении разглашения информации

Ввиду существующего в Соединенных Штатах традиционно сильного предубеждения против предварительных запретов практически невозможно убедить суд принять постановление о запрещении разглашения информации, или "заткнуть рот" прессе. Предварительные запреты в основном распространяются на судебных чиновников и участников судебного разбирательства. Суды почти всегда заключают, что распространение информации, имеющей отношение к судебному разбирательству и полученной прессой законным путем, не подлежит запрету независимо от того, откуда поступила информация – из зала суда или из внешнего источника. Верховный суд постановил в 1976 году, что запрет на разглашение информации допустим только в том случае, если ее распространение представляет "явную и непосредственную опасность" для ведения судебного разбирательства, если запрет на самом деле в состоянии смягчить ущерб и если проблема не может быть решена каким-либо менее кардинальным способом. По этой причине журналисты в Соединенных Штатах крайне редко становятся объектами судебных приказов о запрещении разглашения информации и почти всегда успешно оспаривают их в тех случаях, когда такие постановления все же выносятся.

Редкое исключение имело место в 2003 году. Профессиональный баскетболист Кобе Брайант был обвинен в изнасиловании и ждал судебного разбирательства в штате Колорадо. Секретарь суда по чистой случайности отправил протокол закрытого предварительного судебного слушания электронной почтой семи информационным организациям. В протоколе раскрывалось имя предполагаемой потерпевшей – информация, не подлежащая разглашению согласно действующему в Колорадо закону о соблюдении конфиденциальности личных сведений о жертвах изнасилования.

Узнав об ошибке, председательствующий судья распорядился, чтобы указанные новостные организации "под страхом наказания за неуважение к суду стерли из памяти компьютеров и уничтожили все копии материала и ни полностью, ни частично не раскрывали его содержания". Хотя один видный американский правовед считает, что журналисты имеют право нарушать явно антиконституционные постановления о запрещении передачи информации, в данном случае новостные организации, к которым относилось постановление, немедленно обжаловали его в высшей судебной инстанции штата. Верховный суд Колорадо постановил, что защита частной информации обвинительницы и сохранение возможности в дальнейшем преследовать в судебном

порядке лиц, обвиняемых в сексуальных преступлениях, создают достаточно вескую общественную заинтересованность в сохранении конфиденциальности указанного протокола, чтобы оправдать запретительный приказ. В особом мнении меньшинство суда, отметив, что новостные организации не нарушили никакого закона, указало: "Не СМИ, а правительство несет ответственность за охрану информации, находящейся под его контролем". По иронии судьбы спустя недолгое время в интернете были опубликованы дополнительные сведения об этом деле, в том числе и фамилия жертвы. После этого председательствующий снял запрет на разглашение большей части протокола, а новостные организации, со своей стороны, отозвали жалобу, поданную ими в Верховный суд США.

В отличие от своих американских коллег судьи в Великобритании и Канаде располагают широкими полномочиями по наложению запрета на публикацию материалов, сопряженных с "существенным риском того, что отправлению правосудия ... будет причинен серьезный ущерб", и наказанию за неуважение к суду любого, чьи поступки могут "воспрепятствовать отправлению правосудия, ... независимо от того, делается ли это намеренно или случайно". В результате журналистам в этих странах позволено следить за ходом судебного разбирательства с момента ареста подозреваемого или предъявления ему обвинения до вынесения приговора, но их возможности освещать процесс ограничены. В других странах виды информации, которые журналистам разрешено или запрещено предавать гласности, конкретно определяются в гражданском или уголовном кодексах. Наиболее часто запреты касаются личности жертв преступлений, подробностей семейной жизни в делах о разводе или опекунстве, а также деталей преступного прошлого подсудимых. В некоторых странах, в частности Швеции, где на этот случай не существует законов, этические нормы кодекса поведения журналистов обязывают их не разглашать личность подсудимых за исключением тех случаев, когда "того требуют явные интересы общества".

Камеры в зале суда

Видео- и фотокамеры в зале суда обеспечивают более широкий доступ общественности к судопроизводству, но по-прежнему являются предметом острых разногласий во многих странах. Освещение сенсационного процесса О.Дж. Симпсона по делу об убийстве, который проходил в 1995 году в Калифорнии, по сей день оказывает влияние на поведение судей и политиков во всем мире. Они ссылаются на эксцессы, которыми ознаменовался этот процесс, как на доказательство того, что присутствие камер в зале суда подрывает право подсудимого на справедливое судебное разбирательство, хотя Симпсон был оправдан. Опасения по поводу того, что камеры нарушают ход процесса, нервируют свидетелей и побуждают прокуроров и адвокатов вести себя неподобающим образом, составляют лишь часть аргументации в пользу того, чтобы не допускать электронные СМИ к освещению судебных процессов. Тем не менее, суды во многих штатах США и высшие апелляционные инстанции целого ряда стран по-прежнему проводят свои заседания под объективами камер, хотя Верховный суд США эта тенденция еще не затронула. В 2000 году в исследовании, проводившемся по заказу Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, было установлено, что присутствие видеокамер в зале суда не оказало существенного влияния на поведение участников процессов – более того, оно помогло с исчерпывающей полнотой и точностью запротоколировать ход судебных разбирательств. В исследовании также отмечалось, что камеры держат международное сообщество в курсе работы суда и способствуют прозрачности и справедливости судебных разбирательств. Авторы исследования рекомендовали другим международным судебным органам следовать примеру Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии.

Право критиковать государственных деятелей и публичных персон

Журналисты освещают деятельность государственных должностных лиц и общественных фигур. Но, по иронии судьбы, чем более высокий пост занимает то или иное лицо, чем большим влиянием оно располагает, тем больше его может раздражать критика в свой адрес. На протяжении своей карьеры многим журналистам приходится защищаться от исков о диффамации.

Клевета в широком смысле определяется как ложное высказывание, порочащее честь и достоинство данного лица, сделанное третьей стороне и потенциально способное нанести ущерб репутации этого лица. В большинстве юрисдикций клевета рассматривается как основание для гражданского иска, возбуждаемого пострадавшим в целях взыскания денежного возмещения за понесенный им ущерб.

Поскольку право на репутацию рассматривается как важное, хотя и необязательно основное право,

международные конвенции и договоры, как правило, не трактуют иски о клевете как непременно нарушающие право на свободу слова и право общественности на информацию. Так, например, статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах гласит:

> “Реализация прав ... сопряжена с особыми обязанностями. В силу этого они могут подлежать определенным ограничениям, но только того рода, что требуются законом и необходимы ... для уважения прав или **репутации других** (курсив автора)".

Верховный суд США впервые столкнулся с вопросом о том, распространяется ли Первая поправка к Конституции на дела о клевете при рассмотрении иска “New York Times против Салливена” (1964 год). Дело возникло в связи с тем, что газета опубликовала платное редакционное объявление с протестом против жестокого обращения с активистами движения за гражданские права со стороны сотрудников правоохранительных органов в городе Монтгомери, штат Алабама. Хотя в объявлении не упоминалось имени Л.Б. Салливена, члена городского совета Монтгомери, курировавшего полицию, он возбудил иск против газеты на том основании, что объявление содержало ошибочные заявления и опорочило его честь и достоинство. Суд первой инстанции поддержал Салливена и присудил ему возмещение в размере 500 000 долларов.

Верховный суд отменил это решение. В постановлении, написанном судьей Уильямом Бреннаном, указывается, что “обсуждение вопросов общественной значимости должно быть свободным, энергичным и широко открытым”. Это решение впервые содержало аргумент о том, что Первая поправка к Конституции парадоксальным образом должна защищать определенную ложную информацию ради стимулирования правдивого обсуждения вопросов общественной значимости. С тех пор ни одному государственному деятелю не удалось выиграть дела о клевете, не доказав злонамеренности ответчика, т.е. что он опубликовал клеветническую информацию, “заведомо зная, что она не соответствует действительности, или не обращая внимания на то, правдива она или нет”. При рассмотрении последующих дел Верховный суд распространил критерий злонамеренности и на иски о клевете, возбуждаемые общественными фигурами.

В том, что касается исков с участием частных лиц (не принадлежащих к категориям государственных деятелей или публичных персон), Верховный суд разрешает каждому штату устанавливать соответствующие нормы. Он признает, что правительство располагает законной заинтересованностью в предоставлении частным лицам возможности получать возмещение в тех случаях, когда их репутация пострадала вследствие публикации ложной информации. Но даже в этих случаях Верховный суд требует, чтобы истец как минимум доказал наличие халатности со стороны публикующей стороны – стандарт, оставляющий журналистам лазейку в виде права на добросовестную ошибку.

Журналисты обладают рядом законных прав и приемов при защите от исков о клевете, даже в тех случаях, когда они возбуждаются частными лицами. Разумеется, абсолютной защитой в делах о клевете является истина. Привилегия честного освещения позволяет репортерам, не опасаясь ответственности, перепечатывать правительственные документы, в том числе и судебные, содержащие клеветнические утверждения, с единственным условием, что содержание документов должно быть передано верно. Критерий честного комментария допускает добросовестную критику лиц, занятых делами общественной значимости, при условии, что такая критика базируется на фактах, которые верно изложены или по-иному защищены профессиональной журналистской привилегией. Сверх этого Верховный суд, ссылаясь на Первую поправку, постановил, что чисто субъективные мнения, не поддающиеся проверке на правдивость или лживость, пользуются абсолютной защитой Конституции.

Законы многих стран, в том числе Канады, Австралии, Японии, Таиланда, Бразилии и Польши, включают различные вариации на тему этих прав и обстоятельств, освобождающих от ответственности. В целом ряде стран не делается различия между общественными деятелями и частными лицами, хотя истцы из числа государственных деятелей должны удовлетворять более строгим критериям доказательства своей правоты. В некоторых странах корпорациям разрешается возбуждать иски о клевете, но основаниями для подобных исков по большей части считаются лишь высказывания, причиняющие ущерб торговой или деловой репутации компании. Во многих странах распространение клеветнических слухов в подрывных целях утратило исковую силу, а государственным учреждениям ныне запрещено возбуждать иски о диффамации, хотя государственным должностным лицам это не возбраняется.

Если потерпевшая сторона возбудила иск о клевете и сумела доказать его полную или частичную

обоснованность, она, как правило, требует денежного возмещения за понесенный моральный ущерб. Несмотря на то, что в некоторых обстоятельствах существует презумпция ущерба репутации истца – например, если он заведомо ложно обвинен в совершении преступления – истец, как правило, должен доказать, что понес реальный ущерб в результате публикации материала, ставшего основанием для иска. Во многих странах истцам разрешается требовать компенсации за реально понесенные расходы, а также за ущерб репутации, утрату положения в обществе или в профессиональном кругу и за оскорбление достоинства его личности. Помимо этого, в тех случаях, когда проступок журналиста расценивается как вопиющий, суд может присудить штрафные санкции, предназначенные не для компенсации истца, а для наказания ответчика.

В некоторых странах СМИ, выступающие в роли ответчиков, могут добиться смягчения наказания, продемонстрировав, что они безотлагательно опубликовали полное и честное опровержение ложного или клеветнического материала. В целом ряде стран "предложение о публикации поправки, достаточном извинении и выплате истцу компенсации и расходов", сопровождаемое заявлением ответчика о том, что клеветнический материал был опубликован неумышленно, служит основанием либо для отмены иска о клевете, либо для возражения по иску в последующем судебном разбирательстве.

Альтернативой денежной компенсации является судебный ордер о запрете на публикацию материала, сочтенного клеветническим. В Соединенных Штатах и Канаде суды считают, что судебные ордера как средство судебной защиты от клеветы несовместимы с принципами свободы слова. Но во многих других странах они разрешены. В Индии, например, суды иногда выдают запретительные ордера до публикации, но только в тех случаях, когда можно доказать, что вызвавшее претензии заявление ложно, и только при условии, что истец продемонстрирует реальную возможность морального или материального ущерба вследствие его публикации. В Италии предварительные судебные ордера являются обычной практикой, и в соответствии со статьей 321 Уголовного кодекса суды могут распорядиться о конфискации клеветнической публикации.

Во многих странах иски об уголовно наказуемой клевете возбуждаются государственной прокуратурой. Многие правоведы считают уголовно наказуемую клевету устаревшей категорией преступлений (изначально она была предназначена для защиты монархии и аристократии от критики и оскорблений). Одним из ее оснований было стремление предоставить судебную альтернативу тем, кто в противном случае добивался бы восстановления чести и достоинства путем вызова на дуэль или самосуда. Но сколь бы нереалистичными ни выглядели эти угрозы сегодня, даже в некоторых зрелых демократиях, включая Соединенные Штаты, законы об уголовно наказуемой клевете не отменены, хотя и редко применяются.

В Германии необходимость в законах об уголовно наказуемой диффамации отстаивается как средство защиты конституционного права на достоинство личности. Португалия аргументирует, что государство обязано защищать личную репутацию своих граждан. Статья 443 Уголовного кодекса Бельгии санкционирует уголовное преследование за клевету, определяемую как "злонамеренное и публичное приписывание данному лицу факта, доказуемого или недоказуемого в судебном порядке и способного опорочить честь и достоинство указанного лица или навлечь на него общественное презрение".

Однако Европейский суд по правам человека неоднократно отменял обвинительные вердикты по делам об уголовно наказуемой диффамации на основании статьи 10 Европейской конвенции. Так, например, по делу "Лингенс против Австрии" Европейский суд постановил, что политический деятель, "неизбежно и сознательно" превращающий себя в объект изучения для журналистов и общественности, должен быть готов терпеть жесткую критику. Суд отметил, что обвинительные вердикты по делам об уголовно наказуемой диффамации оказывают "сковывающий эффект" на прессу и мешают СМИ выполнять роль "общественного наблюдателя". Тем не менее, сторонники законов об уголовно наказуемой клевете оправдывают их как необходимый фактор защиты развивающихся демократий от вредоносной критики. Летом 2009 года журналисты подверглись судебному преследованию за диффамацию лишь в двух странах – в Азербайджане и на Мальдивах.

В некоторых странах применяются куда менее строгие нормы, не столь совместимые с принципом свободы печати. Кое-где репортеров лишают свободы за ошибочное распространение ложных сведений о людях. Во многих других странах законы desacato (оскорбление властей, исп. – прим. переводчика) разрешают отдавать журналистов под суд за оскорбление или выражение презрения по отношению к государственным деятелям или институтам. В Турции существует 11 разных законов об оскорблении личности, в том числе и закон, предназначенный

хранить в чистоте имя Мустафы Кемаля Ататюрка. В Камеруне выражения неуважения к президенту, вице-президенту или главе иностранного государства карается тюремным заключением от одного года до пяти лет или штрафом. В Аргентине журналист, “оскорбивший или опорочивший” кого-либо, может быть оштрафован или посажен в тюрьму. И даже во Франции до сих пор действует закон от 29 июля 1881 года, разрешающий наказывать представителей печати за оскорбление президента, сената, иностранных официальных лиц и государственного флага.

В то же время в Соединенных Штатах Верховный суд выражает мнение, что “ложных идей не существует”. В решении по делу “Герц против Роберта Уэлча” (1974 год) член Верховного суда Льюис Пауэлл заметил: “Сколь бы пагубным ни было то или иное мнение, мы полагаемся для его исправления не на совесть судов и присяжных, а на конкуренцию со стороны других идей”. В 1988 году, вынося решение по иску пастора Джерри Фолвелла против журнала Hustler, Верховный суд категорически отверг моральный ущерб в качестве основания для предъявления иска. Принадлежавший Ларри Флинту журнал поместил “рекламную пародию” на Фолвелла, в которой от его имени рассказывается, как, будучи пьяным, он в уборной во дворе вступил в половые сношения с собственной матерью, тоже пьяной. Журнал сопроводил публикацию оговоркой о том, что данная пародия – выдумка, которую “не следует принимать всерьез”.

Фолвелл подал в суд на Флинта за клевету, вторжение в частную жизнь и преднамеренное нанесение морального ущерба. Присяжные отклонили первые два пункта иска, но поддержали истца по третьему пункту. Апелляционный суд оставил в силе их вердикт, но Верховный суд единогласно отменил его. Указав на давнюю американскую традицию энергичных и едких политических комментариев, председатель суда Уильям Ренквист отверг попытку Фолвелла охарактеризовать пародию как “вопиющее оскорбление”, что дало бы ему право на взыскание ущерба. В решении суда указывалось, что “вопиющее оскорбление в области политического и общественного дискурса по самой своей сути содержит элемент субъективности, позволяющий присяжным вынести обвинительный вердикт, руководствуясь сугубо собственными вкусами или взглядами, либо ... их неприятием того или иного выражения”. В отсутствие доказательства того, что ложное утверждение о факте было сделано злонамеренно, писал Ренквист, общественный деятель должен терпеливо сносить подобные нападки с тем, чтобы предоставить “известный простор для действия” свобод, защищенных Первой поправкой к Конституции США.

Право публиковать информацию об отдельных лицах

В 1890 году два юриста из Бостона – Луис Брандейс и Сэмюел Уоррен – напечатали в юридическом журнале Harvard Law Review статью под названием “Право на неприкосновенность частной жизни”, где, в частности, говорилось:

> "Пресса, где только может, переступает четко очерченные границы пристойности и приличия. Сплетня перестала быть уделом бездельников и ненавистников, превратившись в профессию, практикуемую с редким трудолюбием и бесстыдством. Потакая похотливым вкусам, ежедневные газеты в подробностях расписывают истории о половых связях. Чтобы дать пищу ленивым умам, статья за статьей переполнены досужими слухами, которые только и можно добыть путем вторжения в круг семьи. ... Когда сплетня удостаивается появления в печати и заполоняет газетные страницы, вытесняя материалы, исполненные подлинного интереса для общества, стоит ли удивляться тому, что в глазах невежественных и бездумных она приобретает несвойственную ей относительную важность".

Пророческие наблюдения бостонских юристов, в конечном счете, повели к признанию в Соединенных Штатах права на неприкосновенность частной жизни, проистекающего из общего права. Сегодня, спустя 100 с лишним лет, приведенная выше цитата звучит как нельзя более актуально.

Право на неприкосновенность частной жизни закреплено в целом ряде международных правовых документов. В статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах говорится: “Никто не может подвергаться произвольному или незаконному вмешательству в его личную и семейную жизнь, произвольным или незаконным посягательствам на неприкосновенность его жилища или тайну его переписки”, а статья 8(1) Европейской конвенции “О защите прав человека и основных свобод” содержит аналогичную гарантию: “Каждый имеет право на уважение его личной и семейной

жизни, его жилища и его переписки”.

На национальном уровне право на неприкосновенность частной жизни может быть гарантировано конституцией, законом или общим правом. Статья 5 Конституции Бразилии, например, гласит: “Частная жизнь человека является естественной и неприкосновенной”. Уголовный кодекс Дании гарантирует право на неприкосновенность частной жизни посредством запретов на вторжение в частные дома, доступ к частным документам, использование механических устройств для подслушивания, фотографирование или ведение слежки в пределах частной территории, сообщение частных фактов о ком-либо другому лицу, или нарушение чьего-либо уединения вопреки предупреждению, что он желает остаться наедине с собой. Основной закон Германии гарантирует “право личности”. А в Южной Африке право на неприкосновенность частной жизни закреплено как в разделе 14 Конституции, так и в общем праве.

Однако в Соединенных Штатах суды не сразу признали право на неприкосновенность частной жизни. В толковании Верховного суда Четвертая поправка к Конституции гарантирует защиту от необоснованных обысков и арестов, а равно и от других непрошеных вторжений со стороны агентов правительства, но эта поправка относится только к правительству и не распространяется на действия других лиц. За исключением нескольких федеральных законов, запрещающих электронный перехват определенных видов частных коммуникаций, право на неприкосновенность частной жизни в США практически полностью находится в юрисдикции 50 штатов.

К 1960 году американский правовед Уильям Проссер определил четыре четко различимых типа деликта, связанных с нарушением права на неприкосновенность частной жизни:

посягательство на уединение;

разглашение частных фактов;

изображение другого лица в ложном свете;

незаконное присвоение или использование в коммерческих целях имени или облика другого лица.

Некоторые из этих деликтов проистекают из общего права, другие – из законодательства. Далеко не все юрисдикции признают все четыре типа деликта.

Вверху: После того, как владелец издания *Hustler* Ларри Флинт (слева) опубликовал непристойную пародию на известного в штате Вирджиния телевизионного проповедника Джерри Фалуэлла (справа), последний подал на Флинта иск в суд за клевету. Дело было пересмотрено в Верховном суде США. Председатель суда Уильям Ренкуист заключил, что Фалуэлл является общественной фигурой, а поэтому Первая поправка не запрещает подобные нападки в его адрес.

Однако каждый из них предназначен для защиты прав не на основе репутации человека, как в делах о клевете, а исходя из его собственного восприятия посягательства на личность. Во многих странах признаны некоторые или даже все виды деликта.

Посягательство на уединение обычно сопутствует сбору новостей. Оно включает не только физическое вторжение в личную жизнь другого лица, но также подслушивание, магнитофонную запись или несанкционированный перехват частных разговоров иным способом. Хотя Верховный суд США однажды отметил, что “свобода печати лишится смысла без принятия мер по защите процесса сбора информации”, он никогда не выводил журналистов из-под действия общих законов, запрещающих вторжение в личную жизнь. Так, например, в некоторых штатах запрещено использование скрытой видеосъемки, и Верховный суд оставил в силе решение флоридского суда, постановившего, что законы, запрещающие использование скрытых магнитофонов, не нарушают права прессы, закрепленные в Первой поправке к Конституции США.

В большинстве юрисдикций, хотя и не везде, журналистам разрешено без ограничений вести запись и фотосъемку в общественных местах. Однако существуют и исключения. Шотландская писательница Джоан Роулинг, прославившаяся серией романов о Гарри Поттере, выиграла иск о вторжении в частную жизнь от имени ее малолетнего сына после того, как ее сфотографировали на улице Эдинбурга с сыном в детской коляске. Молодая канадская женщина взыскала по суду компенсацию с монреальского журнала, сфотографировавшего ее сидящей на крыльце. Основанием для иска послужил тот факт, что она, по ее утверждению, стала посмешищем среди друзей. Хотя в момент съемки она находилась на публике, Верховный суд Канады заключил, что журнал посягнул на ее право контроля за использованием своего изображения в СМИ, закрепленное в статье о неприкосновенности частной жизни Хартии о правах человека провинции Квебек.

Деликт о разглашении частных фактов порождает дилемму в том, что касается свободы слова, поскольку он позволяет преследовать журналистов в судебном порядке за публикацию правды. Тем не менее, этот деликт в том или ином варианте признан во многих странах. В Соединенных Штатах он трактуется в узком смысле: основанием для иска может служить только публикация частных фактов интимного свойства, глубоко оскорбительная для любого разумного человека и не представляющая законного общественного интереса. Публичные персоны или государственные деятели, как правило, могут рассчитывать лишь на ограниченную защиту своей частной жизни.

Проблема для любого журналиста состоит в том, чтобы определить, сочтет ли суд тот или иной факт заслуживающим освещения в печати. Решение новостной организации опубликовать информацию не обязательно означает, что эта информация представляет общественный интерес. Необходимо различать между тем, что представляет собой законный предмет общественного звучания, а что затрагивает лишь отдельных лиц. Например, когда британская бульварная газета Daily Mirror опубликовала снимки Наоми Кэмпбелл выходящей с собрания общества “Анонимные наркоманы”, супермодель подала иск о вторжении в ее частную жизнь и выиграла. Палата лордов заключила, что, хотя тема наркомании как таковая представляет собой вопрос общественной значимости, пристрастие Кэмпбелл к наркотикам и ее лечение от наркомании – сугубо частное дело супермодели.

Более свежий пример: иск, поданный принцессой Монако Каролиной Ганноверской, утверждавшей, что публикация фотоснимков, на которых запечатлена ее повседневная жизнь, в частности, верховая езда, хождение по магазинам и лыжные прогулки, по законам Германии является вторжением в ее частную жизнь. Немецкие суды отвергли иск, но в 2004 году Европейский суд по правам человека поддержал истицу, усмотрев нарушение ее прав, закрепленных в статье 8 Европейской конвенции о защите прав человека. Суд согласился с тем, что принцесса Ганноверская является публичной персоной, однако постановил, что указанные фотографии не представляют общественной значимости::

> "Следует провести фундаментальное разграничение между освещением даже неоднозначно интерпретируемых фактов о деятельности политиков при выполнении своих служебных обязанностей – фактов, которые уместно обсуждать в демократическом обществе, и разглашением подробностей личной жизни, к тому же, как в данном случае, личной жизни сугубо частного лица. Если в первом случае пресса, предавая гласности информацию и идеи, представляющие общественную значимость, выполняет свою важнейшую функцию “общественного наблюдателя” в демократии, ... в последнем случае она этой функции не выполняет".

В широком смысле слова, однако, информация, которая является достоянием общественности, например, данные, содержащиеся в архивных документах или в материалах судебных разбирательств, не может служить основанием для иска о вторжении в частную жизнь в виде публикации частных фактов. В 1989 году Верховный суд США вынес решение, что жертва сексуального нападения не может судить газету, упомянувшую ее имя в криминальной хронике. И хотя Флорида, где она проживала, запрещала новостным организациям раскрывать имена жертв изнасилования, Верховный суд постановил, что в данном случае газета, достоверно изложившая информацию, не совершила правонарушения, ибо она получила ее законным способом – из полицейского протокола, который был случайно предоставлен в распоряжение репортера в пресс-центре управления шерифа. Подобным же образом лицо, согласившееся на разглашение информации или само разгласившее ее, как правило, не может жаловаться, если эта информация попадет в печать.

Деликт о нарушении неприкосновенности частной жизни путем изображения в ложном свете представляет собой в некотором роде юридическую аномалию и признается далеко не повсюду. В некоторых странах, в частности, в Венгрии и Южной Африке, разрешается подавать в суд за публикацию ложной и вводящей в заблуждение информации, но в США этот деликт признан лишь приблизительно в двух третях штатов. Изображение в ложном свете, аналогично клевете, позволяет подавать в суд за распространение подразумеваемых ложных, хотя необязательно клеветнических фактов. В качестве примера можно назвать приукрашивание или искажение подлинной истории в документальной пьесе или ином сценическом воплощении. Но многие иски об изображении в ложном свете возникают в связи с публикацией фотоснимков или видеозаписей в сопровождении обманчивых заголовков, подписей или текстов. Так, в 2002 году некий актер, чья фотография появилась на обложке журнала Playgirl, подал иск против журнала в федеральном суде в Калифорнии, на том основании, что снимок в совокупности с заголовками создавал ложное представление, будто внутри журнала напечатаны его фотографии в обнаженном виде. Истец выиграл дело.

Незаконное присвоение чужого имени или облика в коммерческих целях рассматривается во многих юрисдикциях как посягательство на право собственности, аналогичное товарному знаку или авторскому праву. Другие расценивают этот деликт как продолжение права личности. В докладе Ирландской комиссии по реформе системы правосудия говорится:

> "В тех случаях, когда человек не давал согласия на использование своей фотографии, он может счесть себя оскорбленным и униженным в силу того, что он не любит привлекать к себе внимание или не желает, чтобы его ассоциировали с данным товаром. В таких случаях правовым интересом необязательно является право собственности или коммерческий интерес. Им является человеческое достоинство".

В Китае, Австралии, Австрии, Канаде, Германии, Франции и других странах признается разновидность данного деликта. Статья 41(2) Конституции Италии разрешает использовать изображение другого лица в коммерческих целях при условии его предварительного согласия. В Соединенных Штатах этот деликт ограничен несанкционированным использованием в рекламных целях. В качестве примера можно привести техасский закон, названный "Законом Бадди Холли", который был принят, чтобы положить конец эксплуатации имени и облика покойного певца. В нем конкретно запрещается каким бы то ни было образом использовать его снимки в пьесах, книгах, кинофильмах, радиопрограммах, журнальных или газетных статьях, политических материалах или произведениях искусства, а также в пародиях и сатирических произведениях".

Государственное лицензирование журналистов и новостных организаций

Принудительное лицензирование репортеров оправдано как гарантия того, что журналистикой занимаются лишь квалифицированные лица, и что профессиональные стандарты поддерживаются на высоком уровне. Некоторые международные организации выступают в поддержку лицензирования, усматривая в этой практике средство защиты журналистов от преследований со стороны правительства. Но когда правительство претендует на право определять, кому разрешено освещать новости, а кому это запрещено, оно присваивает себе "право на цензуру" по выражению представителя правозащитной организации Freedom House Леонарда Сассмана. Отсутствие лицензии может служить предлогом для ареста журналистов или их выдворения из страны, власти по своему произволу лишают лицензии журналистов, которым хотят заткнуть рот. В 1980 году

Международная комиссия по изучению проблем коммуникации, известная также как Комиссия Макбрайда, в своем докладе ЮНЕСКО заключила: “Махинации с лицензированием могут легко повести к принятию жестких кодексов поведения журналистов; по сути дела, под защитой окажутся только те журналисты, которые пользуются поддержкой властей”. В 1985 году Межамериканской суд по правам человека постановил, что принятый в Коста-Рике закон о государственным лицензировании журналистов противоречит Американской конвенции о правах человека, а в расширительном смысле – вообще всем конвенциям о правах человека, “в той мере, в какой он лишает некоторых лиц возможности полностью использовать новостные СМИ в качестве средства самовыражения или распространения информации”.

Принудительное членство, сертификация или образовательный ценз не позволяют многим лицам собирать и распространять информацию, а других лишают возможность ее получать. Принцип 8 Чапультепекской декларации вполне логично гласит: “Принадлежность журналистов к гильдиям, их членство в профессиональных и отраслевых ассоциациях, слияние средств массовой информации с коммерческими организациями – все это должно строиться на строго добровольных началах”. Принудительное лицензирование или обязательное членство в профессиональных и отраслевых ассоциациях для журналистов по-прежнему признаны законом во многих странах Африки, Азии и Ближнего Востока. Хотя в июне 2009 года Верховный суд Бразилии отменил правовую норму о наличии диплома о высшем образовании и членства в гильдии в качестве условий занятия журналистикой, в девяти странах Латинской Америки некоторые ограничения такого рода по-прежнему остаются в силе. А в Зимбабве журналисты выступили с протестом против создания органа по аккредитации СМИ с правом взимать лицензионный сбор на том основании, что подобное ведомство является вопиющим примером неблагоразумия и посягательства на свободу слова.

Требование о лицензировании ставит новостные организации в зависимость от произвола властей, которые благодаря этому получают дополнительное средство для контроля за прессой и поощрения самоцензуры. Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека гарантирует свободу от “вмешательства со стороны правительства”, но она ни разу не была истолкована как запрет на лицензирование. Тем не менее, принудительное лицензирование в определенных обстоятельствах может рассматриваться как разновидность цензуры и, соответственно, как требование, несовместимое со свободой самовыражения.

Дополнительное государственное регулирование

Во многих юрисдикциях приняты разные правила регулирования печатных и вещательных СМИ. В Соединенных Штатах принято считать, что Первая поправка к Конституции запрещает любые формы государственного лицензирования газет и журналов, однако Федеральная комиссия по связи (FCC) наделена исключительным правом выдачи лицензий на использование электромагнитного спектра, рассматриваемого как дефицитный общий ресурс. В 1969 году Верховный суд постановил:

> "В тех случаях, когда число лиц, желающих заниматься вещанием, существенно превышает количество распределяемых частот, бессмысленно устанавливать абсолютное право на вещание в рамках Первой поправки, сопоставимое с правом каждого говорить, писать или публиковать различные материалы. ... Было бы странно, если бы Первая поправка, призванная защищать и развивать связь, не позволяла правительству обеспечивать радиосвязь, запрещая вещание без лицензии и ограничивая количество выдаваемых лицензий с тем, чтобы не перегружать спектр".

Закон наделяет FCC полномочиями по контролю над определенными аспектами права собственности на вещательные станции. Комиссия может запретить сосредоточение слишком большого числа станций в руках одного владельца или ограничить масштабы комбинированной собственности, когда одна компания контролирует разные медиа-платформы на одном и том же рынке. Тем не менее, юрисдикция FCC над решениями вещательных компаний в отношении содержания их программ подпадает под действие Первой поправки и в последние годы ограничивается в основном регулированием непристойных материалов и требованиями, чтобы вещательные

организации предоставляли равный доступ к эфиру соперничающим кандидатам на политические должности в течение периода, непосредственно предшествующего выборам.

Доктрина справедливости, обязывающая получателей лицензий на вещание освещать спорные вопросы общественной значимости в радиусе действия принадлежащих им средств вещания и предоставлять ответственным представителям противоположных точек зрения разумную возможность для ответа, была отменена FCC в 1987 году. Принимая это решение, комиссия заключила, что ввиду бурного распространения новых СМИ доктрина справедливости утратила свое значение как средство удовлетворения общественной потребности в доступе к “разнообразным и антагонистическим источникам информации”. Комиссия добавила:

> "Посягательство правительства на контроль за содержанием программ посредством применения доктрины без всякой необходимости ущемляет журналистскую свободу вещательных организаций ... и препятствует освещению спорных вопросов общественной значимости к ущербу для общественности и для редакционных прерогатив вещательных организаций".

Определенные проблемы связаны с налогообложением. Налоговое законодательство, распространяющееся на все коммерческие корпорации, в целом приемлемо, в то время как законы, налагающие особые налоговые обязательства на новостные СМИ, обычно расцениваются как антиконституционный предварительный запрет на свободную речь. Подобным же образом ограничения, налагаемые на распространение новостной продукции в международных масштабах, трактуются как нарушения статьи 10 Европейской конвенции о защите прав человека и статьи 13 Международного пакта о защите гражданских и политических прав, которые гарантируют свободный поток информации и идей “независимо от государственных границ”.

Пространное обсуждение различных вариантов лицензирования и регулирования выходит за рамки данной брошюры. В целом от новостных организаций можно на законных основаниях требовать соблюдения норм корпоративного права и общеприменимых правил (таких, как регистрация имен и адресов лиц, ответственных за деятельность данной организации). Любые попытки правительства регулировать деятельность СМИ или содержание их программ должны быть прозрачны; подлежать общественному контролю, участию и надзору; и не выходить за рамки, диктуемые четко определенными общественными интересами.

Конкретно сформулированные ограничения на непристойную или порнографическую речь

Вероятно, наибольшая трудность при оценке государственных ограничений на непристойную или порнографическую речь связана с определением терминов “непристойный” и “порнографический”. Так, например, в британском Законе о непристойных публикациях от 1959 года (с учетом поправок) говорится, что произведение следует считать непристойным, если “его воздействие в целом направлено на то, чтобы развратить и растлить лиц, которые могут, учитывая все относящиеся к делу обстоятельства, прочесть, увидеть или услышать материал, содержащийся или изображенный в нем”. Покойный член Верховного суда США Поттер Стюарт, когда его спросили, что такое порнография, выдал легендарную формулировку: определить не могу, но “когда увижу – узнаю”.

В большинстве стран публикация или распространение порнографических материалов трактуется как уголовное преступление. Предварительный запрет на распространение таких материалов часто рассматривается как разрешенный конституцией. Многочисленные законы направлены на защиту детей от эксплуатации и от контакта с порнографическими материалами. Однако национальные и международные гарантии свободы слова в целом защищают право доступа лиц брачного возраста к порнографическим материалам, за исключением некоторых конкретных категорий. В Германии Уголовный кодекс запрещает распространение порнографических материалов, изображающих надругательства над детьми. В Швеции запрещены определенные изображения насилия сексуального характера. В Соединенных Штатах детская порнография не пользуется конституционной защитой независимо от того, признана ли она юридически непристойной или нет. Во многих странах запрещена продажа любых порнографических материалов лицам, не достигшим 18 лет.

В зрелых демократиях законы о порнографии обычно не вызывают серьезных опасений за права массовых новостных организаций. Однако в некоторых странах все еще действуют устаревшие законы о

“преступном сговоре с целью подрыва общественной нравственности” или о “надругательстве над нормами общественного приличия”. В нечетко сформулированных законах могут запрещаться непристойные или порнографические материалы, которым не дается определений, или в них могут отсутствовать квалифицирующие формулировки, как это было в случае, когда Верховный суд США в 1973 году определил как непристойные только те произведения, которые “взятые в целом, лишены серьезной литературной, художественной, политической или научной ценности”. В подобных ситуациях журналисты рискуют нарушить закон, публикуя заслуживающие внимания материалы, которые имеют откровенно сексуальный характер. Либо же законы о порнографии могут использоваться в качестве предлога для цензуры других материалов. Например, во Вьетнаме правительство утверждает, что фильтрует доступ в интернете лишь к материалам явно сексуального характера. Однако в выпущенном в 2007 году докладе организации OpenNet Initiative, осуществляющей надзор за свободой доступа к интернету, было указано, что правительство позволяет относительно беспрепятственно пользоваться порнографическими материалами, зато регулярно блокирует доступ к религиозным и политическим веб-сайтам, критикующем деятельность правительства.

Даже в Соединенных Штатах Верховный суд утвердил более суровые ограничения на передачу в эфир непристойных материалов, которые в печатном виде считались бы конституционно защищенной речью, на том основании, что дети особенно подвержены всепроникающему воздействию вещания.

Наиболее эффективным является узко сфокусированный подход к регулированию непристойной речи. Законы должны максимально точно определять, что подлежит запрету, чтобы все стороны могли знать, что допустимо, а что нет. В законах должно быть указано, какие непристойные материалы не носят доказуемо вредоносного характера.

Контент, обладающий компенсирующей социальной, политической, научной или художественной ценностью, должен быть под защитой конституции. Любое государственное учреждение, уполномоченное классифицировать или ограничивать распространение непристойных или порнографических материалов, либо налагать санкции на издателей, должно быть прозрачным в своей деятельности и придерживаться четко сформулированных стандартов.

FRASER

Саморегулирование вместо тяжбы

***«Ни один свободный человек не может быть арестован,
или заключен в тюрьму, или лишен владения,
или объявлен вне закона, или изгнан,
или каким-либо иным образом обездолен, и мы не пойдем на него
и не пошлем за ним иначе
как по законному приговору равных ему
и по закону страны».***

Великая хартия вольностей
Раннимид, Англия
июнь 1215 г.

Саморегулирование вместо тяжбы

Журналисты и средства массовой информации допускают ошибки. Суды предоставляют лицам, понесшим ущерб, средства правовой защиты. Иски за клевету, вторжение в частную жизнь, нарушение конфиденциальности, нарушение авторских прав и нанесение эмоционального ущерба – вот лишь несколько видов гражданских исков, которые можно предъявлять прессе.

Однако судебные процессы занимают время, требуют денег и часто не приносят истцам удовлетворительных результатов. Например, в Соединенных Штатах конституционные средства защиты по делам о клевете настолько сильны, что некоторые суды так и не доходят до установления истинности утверждения, лежащего в основе обвинения. Напротив, юридические стандарты, благоприятствующие истцам по делам о клевете, в 1990-е и первые годы 21-го века превратили Великобританию в "мировую столицу судебных процессов о клевете", поскольку лица из многих стран предъявляли в Лондоне иски иностранным изданиям, которые, как они утверждали, оклеветали их. Но в мае 2010 года вновь избранное коалиционное правительство пообещало "пересмотреть и реформировать законы о клевете, чтобы защитить свободу слова, уменьшить затраты и пресечь поездки с целью подачи исков за клевету".

Право на свободу выражения мнений часто сталкивается с другими соперничающими интересами. Порой нет никаких средств судебной защиты от ненадлежащего поведения журналистов, которое может расстраивать читателей и зрителей. Зал суда – зачастую не лучшее место для разрешения споров о взвешенности, беспристрастности и точности. И всегда есть риск, что жесткие средства судебной защиты, даже применяемые в ситуации, когда основополагающее дело связано с ненадлежащим поведением журналистов, воспрепятствуют будущей свободной и открытой публикации спорных точек зрения.

Ценной альтернативой служат механизмы саморегулирования.

Омбудсмены

Омбудсмены, которых часто называют также "представителями читателей" или "общественными редакторами", выступают в роли связующего звена между сотрудниками СМИ и общественностью. Как правило, они разбирают жалобы, расследуя предполагаемые этические нарушения. Они побуждают сотрудников редакций отвечать на вопросы читателей, и те объясняют, как и почему средства массовой информации принимают свои решения. Они могут написать колонку или просто рассматривать жалобы в индивидуальном порядке. Несмотря на то, что омбудсменам обычно платит средство массовой информации, им должны быть обеспечены самостоятельность и независимость.

Советы по печати

Советы по печати, которые обычно выполняют функции коллегий, рассматривающих и разрешающих жалобы на СМИ, могут принимать многие формы. Некоторые действуют по законодательному мандату. Многие финансируются средствами массовой информации. Другие поддерживаются благотворительными фондами или неправительственными организациями, многосторонними организациями, такими как

ЮНЕСКО, или даже добровольными взносами общественности. Третьи связаны с университетами. Некоторые получают поддержку от правительственных структур, но действуют независимо.

Советы по печати могут иметь национальную, региональную или местную юрисдикцию. В состав коллегии обычно входят представители прессы и общественности, в том числе ученые, а иногда и правительства. Те, кто предпочитает подавать жалобы в совет по печати, обычно обязаны отказываться от любых прав на предъявление судебного иска. Сотрудники совета разбирают жалобы и подают те, которые потенциально заслуживают рассмотрения по процедурам совета. Типичная модель предусматривает открытое слушание дела перед коллегией. Выступать имеют право как сторона, подавшая жалобу, так и средство массовой информации. После выступлений, вопросов и прений трибунал издает постановление. Некоторые советы по печати обязывают СМИ публиковать касающиеся их постановления, у других публикация добровольна.

Кодексы этики

Большинство объединений журналистов и многие отдельные средства массовой информации приняли кодексы этики. В них содержатся различные условия. Некоторые кодексы носят обязательный характер, и нарушение того или иного положения может привести к увольнению работодателем или исключению из профессионального объединения журналистов. Но большинство кодексов этики вместо этого предлагают добровольные руководящие принципы, помогающие журналистам принимать морально и профессионально обоснованные решения. Тем самым кодексы поощряют большую подотчетность читателям и зрителям.

Некоторые кодексы этики чрезвычайно детальны. В других приводятся более общие принципы. Хорошим примером служит Кодекс этики Общества профессиональных журналистов (SPJ) – крупнейшего добровольного объединения репортеров и редакторов американских СМИ. Его кодекс побуждает журналистов придерживаться четырех базовых принципов:

> Искать истину и освещать ее: журналисты должны быть честными, беспристрастными и смелыми при сборе, сообщении и толковании информации.
>
> Сводить последствия до минимума: руководствующиеся этическими нормами журналисты относятся к источникам, обсуждаемым лицам и коллегам как к людям, заслуживающим уважения.
>
> Действовать независимо: журналисты должны быть свободны от обязательств перед любыми интересами, за исключением права общественности на получение информации.
>
> Быть подотчетными: журналисты подотчетны своим читателям, слушателям, зрителям и друг другу.

Согласно своим собственным условиям, кодекс SPJ является добровольным руководством по этичному поведению. Он гласит: “Настоящий кодекс призван служить не набором “правил”, а руководством по принятию решений на основе этических норм. Он не является – и согласно Первой поправке не может быть – принудительно исполняемым в судебном порядке”.

При SPJ работает Национальный комитет по этике, в который входят члены из всех регионов США, специально заинтересованные и компетентные в этике. Хотя комитет не выносит решений по конкретным жалобам, он предоставляет свои рекомендации и мнения журналистам и представителям общественности.

Ответственная пресса – несомненно, цель, к достижению которой следует стремиться. Но ответственность прессы не регулируется Конституцией и, как многие другие добродетели, ее нельзя регламентировать законодательно.

Председатель Верховного суда США Уоррен Бергер
Дело "Майами геральд паблишинг Ко." против Торнильо (418 США 241, 1974 г.)

Обязанности журналистов

В августе 2009 года амстердамский суд признал информационное агентство Associated Press (AP) виновным в нарушении неприкосновенности частной жизни членов нидерландской королевской семьи путем распространения их фотоснимков, сделанных на горнолыжном курорте в Аргентине. Председатель судебного заседания запретила дальнейшее распространение или продажу четырех фотографий, постановив, что они были сделаны во время “частного отдыха” и отображают “действия частного характера”. “Право на уважение к неприкосновенности личной сферы перевешивает право на свободу слова”, – отметила судья в своем постановлении.

Аргентинский закон не препятствовал фотосъемке. Но судья сослалась на кодекс поведения для СМИ, разработанный в 2005 году королевским домом при содействии Информационной службы правительства Нидерландов (RVD), который, в частности, запрещает новостным СМИ страны фотографировать членов королевской семьи во всех случаях, за исключением официальных мероприятий и съемок, устраиваемых специально для прессы. Хотя судья признала, что кодекс “нельзя рассматривать как соглашение, имеющее обязательную силу”, она, тем не менее, сослалась на кодекс в своем решении, пригрозив AP штрафом в размере до 50 000 евро за любые дальнейшие попытки распространения указанных фотографий.

AP утверждало, что публичные действия членов королевского дома представляют общественный интерес. Агентство предсказало, что решение суда “к сожалению, повлечет за собой неуместное ограничение свободы информации в глобальных масштабах”. Организация “Репортеры без границ” осудила как решение суда, так и кодекс поведения для СМИ на том основании, что кодекс фактически “низводит СМИ до положения агентств по связям с общественностью”. Однако судья пришла к заключению, что публикация фотографий не представляла общественного интереса и что в данном случае “право на уважение личного пространства перевешивает право на свободу слова”.

Для добросовестного журналиста подобная история – кошмарный сон. Добровольный кодекс поведения журналистов становится основанием для запрещения публикации международным агентством новостей фотоснимков публичных персон, сделанных законным образом.

Конечно, так бывает не всегда. Многие СМИ и журналистские ассоциации добровольно принимают кодексы поведения или устанавливают стандарты своей деятельности, которые служат своего рода указателями, позволяющими журналистам лучше ориентироваться при исполнении своих обязанностей, а отнюдь не основаниями для ущемления свободы печати. Как сказано в преамбуле Кодекса этических норм базирующегося в США Общества профессиональных журналистов, “профессиональная добросовестность является краеугольным камнем журналистской репутации”.

Можно ли считать журналистику “профессией”?

Термин “кодекс” обычно ассоциируется с профессией. Однако вопрос о том, является ли

Вверху: Какое право важнее: на конфиденциальность или на свободу печати? Амстердамский суд признал информационное агентство Associated Press (AP) виновным в нарушении неприкосновенности частной жизни членов нидерландской королевской семьи путем распространения их фотоснимков, сделанных на горнолыжном курорте в Аргентине.

профессией журналистика, вызывает жаркие споры. Во многих странах ее таковой не считают. По традиции профессия определяется как род занятий, требующий определенной формальной квалификации, специальной подготовки и лицензирования, а также подлежащий контролю со стороны регулирующего органа, наделенного полномочиями принимать и наказывать членов профессии. Во всем мире к профессионалам причисляют юристов, врачей и духовных лиц, а также архитекторов, инженеров, стоматологов, фармацевтов и бухгалтеров.

Иногда аналогичные требования предъявляются и журналистам. В некоторых странах репортеры должны пройти специальную подготовку или прослушать университетский курс. В других странах журналистами признают только членов соответствующей гильдии или союза, либо для занятия журналистикой требуется государственная лицензия.

Защитники свободы самовыражения в большинстве своем не признают систем принудительного лицензирования. С их точки зрения, даже если такие системы продиктованы самыми добрыми намерениями, они воздвигают барьеры на пути участия в журналистике и отсекают лиц, исповедующих идеи, не пользующиеся популярностью или разделяемые меньшинством. Лицензирование ограничивает свободу слова и подрывает право общественности получать информацию из разнообразных источников.

Таким образом, в идеале кодекс поведения для журналистов должен служить моральным ориентиром, а не оружием в правовом арсенале государства. В таком случае организация членов СМИ сможет исключить из своих рядов репортера, нарушившего требования кодекса. Но ничто не помешает ему найти другую работу, а какой-либо другой организации – предложить ему трудоустройство. Ни один суд или лицензирующий орган не может отлучить этого репортера от занятий журналистикой.

Этические нормы: больше вопросов, чем ответов

Кодексы этических норм не должны навязывать стандарты, осуществимые в принудительном порядке. Вместо этого они призваны служить руководством для журналистов при выборе предметов, заслуживающих внимания, и методов их освещения. Ни один кодекс не может дать ответов на все вопросы, а высококачественные кодексы, вероятно, поднимают

больше вопросов, чем дают ответов. Разумные люди, в том числе сами журналисты, могут расходиться во мнениях по поводу того, как следует применять ту или иную этическую норму в той или иной конкретной ситуации.

> Например, следует ли журналисту высмеивать имя или образ, священные для какой-то этнической или религиозной группы? Во многих странах закон не возбраняет подобную практику. Но способствует ли она активному публичному обсуждению или, наоборот, лишь разжигает ненависть и сеет семена конфликта?
>
> Должна ли пресса публиковать информацию с грифом секретности, особенно в тех случаях, когда правительство предупреждает, что это может помешать его усилиям по обеспечению общественной безопасности? Следует ли расценивать это как акт независимого надзора за деятельностью правительства или как действие, без всякой нужды угрожающее здоровью и безопасности общества?
>
> Стоит ли телевизионной станции выпускать в эфир тяжелые для восприятия материалы военной хроники, включая сцены насилия и смерти? Смогут ли они донести до телезрителей страшную реальность войны или вместо этого подорвут моральный дух и причинят горе родным погибших?

Читатели и телезрители не всегда согласны с позицией новостной организации. Но этические нормы и руководства могут помочь найти путь к продуманным и оправданным решениям.

Поиски истины: главный принцип

В большинстве кодексов этических норм для журналистов подчеркивается, как важно соблюдать правдивость, т.е. следить за достоверностью передаваемой информации. “Ищи истину и передавай ее” – таков главный, стержневой принцип Кодекса этических норм Общества профессиональных журналистов. Кодекс поведения британских редакторов также ставит правдивость во главу угла, провозглашая: “Пресса ни в коем случае не должна публиковать неверную, вводящую в заблуждение или ложную информацию, в том числе и графические материалы”. Универсальный этический принцип номер один можно выразить простой формулировкой: журналист ни при каких обстоятельствах не должен публиковать заведомую ложь.

"All the News That's Fit to Print"

The New York Times

CITY EDITION

SUPREME COURT, 6-3, UPHOLDS NEWSPAPERS ON PUBLICATION OF THE PENTAGON REPORT; TIMES RESUMES ITS SERIES, HALTED 15 DAYS

Nixon Says Turks Agree To Ban the Opium Poppy

PRESIDENT CALLS STEEL AND LABOR TO WHITE HOUSE

Pentagon Papers: Study Reports Kennedy Made 'Gamble' Into a 'Broad Commitment'

Soviet Starts an Inquiry Into 3 Astronauts' Deaths

Вверху: В 1971 году газета New York Times опубликовала так называемые «документы Пентагона» несмотря на заявления правительства о том, что это может поставить под угрозу национальную безопасность страны. Верховный суд США постановил, что конституционные гарантии свободы СМИ имеют приоритет над другими соображениями и разрешил продолжить публикацию.

Это требование не так просто выполнять во всех случаях. Прежде чем публиковать материал, журналист, безусловно, должен сделать все возможное, чтобы удостовериться в том, что он соответствует действительности. Но со временем могут быть обнаружены факты, опровергающие уже напечатанный материал. В таком случае ответственная новостная организация без задержки публикует поправку или разъяснение.

Новостные организации должны пристально следить за тем, чтобы заголовки, тизеры, звуковые или текстовые цитаты не только соответствовали действительности, но не препятствовали правильному восприятию фактов, подавая их в чрезмерно упрощенном виде или выводя их из контекста. Фотоснимки, аудио- и видеозаписи разрешается обрезать или редактировать в силу пространственных или временных ограничений, но таким образом, чтобы не создавать неверного или искаженного представления об иллюстрируемом материале. Следует избегать практики инсценирования для целей фотосъемки или воспроизведения новостных событий, а в тех случаях, когда без инсценирования никак не обойтись, необходимо об этом четко предупреждать.

Естественно, журналисты не должны фабриковать новости и заниматься плагиатом, т.е. пользоваться плодами чужого труда без указания источника. Им также запрещено придумывать цитаты и перепечатывать чужой материал, предварительно не заручившись разрешением автора.

Источники

Известно, что репутация репортера всецело зависит от качества его источников. Знающие источники расширяют возможности журналиста в отношении сбора новостей и позволяют ему увеличивать объем публикуемой информации.

Но журналист должен проявить осторожность и установить, заслуживает ли его источник доверия, в частности, выяснить, какова его точка зрения, и в чем заключаются его истинные цели. В идеале журналисту следует иметь несколько источников, позволяющих оценить собранную информацию под разными углами зрения. При этом он должен по возможности приложить максимум усилий для проверки достоверности полученной им информации.

А как насчет пользования анонимными источниками – практики ссылки на неназванные источники? Желательно, чтобы все информаторы были названы по имени, и чтобы приводимые журналистом факты исходили не от “источников в администрации” или не были прикрыты другими, столь же туманными формулировками. Информаторам, готовым открыто отстаивать достоверность сообщаемых ими фактов, больше верят. Ссылка на поименно названные источники также позволяет читателям или телезрителям самостоятельно проверить, заслуживают ли они доверия.

Но иногда у информатора есть резонные основания настаивать на том, чтобы его личность не была раскрыта. Журналист должен по возможности сопротивляться подобным просьбам, но это не всегда возможно. Некоторые новостные организации требуют, чтобы любая просьба о сохранении конфиденциальности проходила через редактора. Такое правило редко импонирует журналистам, но на самом деле оно вполне обоснованно. Публикуя информацию без указания источника, новостная организация ставит на карту не только репутацию автора материала, но и свое собственное реноме.

Обещания журналистов должны быть предельно ясными и четкими. Разные люди могут вкладывать разный смысл в такие выражения, как “не для печати” и “без указания источника”. Журналист и его источник должны придти к единому пониманию того, на каких условиях данная новостная организация использует предоставленную ей информацию.

Данное обещание следует выполнять. Как говорится в британском Кодексе поведения, “журналист несет моральное обязательство по защите конфиденциальных источников информации”. Если журналиста вызывают в суд для дачи свидетельских показаний в связи с распространенной им информацией, в тех странах, где не признается профессиональная привилегия журналиста, выполнение этого обещания может грозить журналисту наказанием за неуважение к суду. Любой репортер должен четко разъяснить своему информатору, на что он готов пойти ради того, чтобы сдержать свое слово.

Тайные методы журналистики и работа под прикрытием

Журналистам следует избегать обмана в своей работе, в частности, не следует пользоваться скрытыми камерами, магнитофонами и микрофонами или выдавать себя за кого-то другого. В некоторых юрисдикциях такие приемы незаконны. Но не менее важно и то, что они подрывают доверие к журналистам. Читатели и телезрители редко верят в то, что журналист говорит правду, если она добыта обманным путем. В качестве общего правила, журналист должен объявить

о своей профессиональной принадлежности и дать ясно понять, что любая полученная им информация может быть предана гласности.

Тем не менее, иногда бывает, что добраться до истины невозможно, не прибегая к какой-либо уловке. Журналисты и их новостные организации должны пускать подобные приемы в ход только в тех редких случаях, когда традиционные методы сбора информации оказываются совершенно безрезультатными, и только при условии, что уловка оправдана насущным общественным интересом. Новостная организация должна публично разъяснить, каким путем была добыта информация, после того как она появилась в печати или эфире.

Объективность новостей

Американские журналисты стремятся к объективности в своей работе. В последние годы эта модель подвергается критике. Некоторые выражают сомнение в целесообразности объективного подхода. Сторонники такой точки зрения считают, что подлинная объективность лишена моральных ориентиров и одинаково подходит ко всем фактам и мнениям.

Профессор Майкл Багиджа, декан факультета журналистики университета штата Айова, не согласен с такой точкой зрения. “Объективность не есть синоним истины, а лишь процесс, посредством которого мы стремимся ее достичь ”, – пишет он. Ни один журналист не подходит к теме с позиций полной объективности. Приступая к работе над материалом, журналист наверняка уже составил себе четкое представление о некоторых его аспектах. Но его задача состоит в том, чтобы отбросить предвзятое отношение и вести расследование с позиций здорового скептицизма.

Допустим, подозреваемого арестовали и предъявили ему обвинение в совершении некоего преступления. Во многих странах существует презумпция невиновности обвиняемого до тех пор, пока ему не будет вынесен приговор. Однако правоохранительные органы часто стремятся убедить общественность в том, что арестованный является истинным виновником преступления, и поощряют распространение подобной информации в СМИ. Объективный журналист, безусловно, сообщит сведения, полученные им от властей. Но в той степени, в какой это допустимо законом, ему также следует попытаться независимым образом проверить достоверность этой информации и найти надежные источники сведений противоположного характера. Он не должен просто механически повторять соображения представителей закона, словно они являются уже доказанным фактом.

Поощрение многообразия взглядов

Во многих странах нормой является ситуация, когда СМИ занимают различные политические позиции. Для читателей и телезрителей в этих странах естественно ожидать, что новостная организация освещает ту или иную тему с определенной точки зрения и выбирает соответствующую тематику. Им также известно, что конкурирующие новостные организации часто выступают с разных позиций. Такое положение дел не обязательно противоречит нормам журналистской этики, но лишь в том случае, когда новостная организация проводит четкую грань между пропагандой и репортажем. Колонки обозревателей и редакционные комментарии должны быть ясно обозначены как таковые, и комментируемые в них факты не должны ни подтасовываться, ни фабриковаться.

Журналисты должны стремиться к тому, чтобы в их материалах звучали разные голоса, и не бояться давать ход конкурирующим и даже непопулярным точкам зрения. Они обязаны отстаивать свободу слова для всех. Новостные организации должны служить форумом для энергичных дебатов по вопросам, представляющим важность для общества. Письма в редакцию и комментарии читателей на веб-сайтах стимулируют общественную дискуссию. Новостным организациям следует делать все возможное, чтобы не допустить нарушения правил приличия при обмене мнениями и пресечь попытки распространения ложных сведений и бранных слов в адрес конкретных лиц.

Уважение к личности

Второй постулат Кодекса этических норм Общества профессиональных журналистов гласит: “Старайтесь причинять как можно меньше вреда, ... относитесь к информаторам, объектам расследований и коллегам как к людям, заслуживающим уважения”. В нем признается, что ответственному журналисту иногда в силу сложившихся обстоятельств приходится доставлять кому-то неприятности, но от него требуется сделать все возможное, чтобы свести причиненный ущерб до минимума. Кодекс SPJ, подобно многим другим кодексам аналогичного рода, требует от журналистов сочувственного отношения к тем, кого может затронуть публикуемый материал, особенно в тех случаях, когда они невольно становятся объектами всеобщего внимания.

Необходимо с пониманием относиться к жертвам

преступлений, родственникам общественных деятелей и знаменитостей, детям и представителям других уязвимых категорий. Журналист обязан тщательно взвесить все за и против, решая вопрос о том, стоит ли вообще о них писать.

Инвазивные методы сбора новостей могут причинить вред. В настойчивости нет ничего плохого, но агрессивная тактика не всегда оправдана. Назойливые звонки по телефону, упорное преследование на улице, непрерывное щелкание затвором фотоаппарата, отказ уйти с частной территории или из частного помещения невзирая на все просьбы уйти – подобные действия не обязательно нарушают закон, но вызывают раздражение у объектов непрошеного внимания. Любой человек, даже из числа тех, кто привык быть на людях, имеет право на приватность, и лишь настоятельная общественная потребновть оправдывает вторжение в его частную жизнь.

С другой стороны, у репортера могут быть достаточно веские основания для разглашения информации, которую фигурант новостей предпочел бы не делать достоянием гласности. Государственное должностное лицо может быть не заинтересовано в огласке подробностей своего романа на стороне, но если его внебрачная связь сопряжена с тратой народных средств или использованием других общественных ресурсов, она вполне справедливо представляет собой объект общественного внимания. Подобным же образом жертвы преступлений нередко предпочитают оставаться в тени, и новостная организация может пойти им навстречу, особенно когда речь идет о детях или жертвах сексуальных нападений. Однако во многих странах жертва преступления выступает в роли обвинителя на судебном процессе. Хотя правдивость предполагаемой жертвы преступления может быть законным предметом журналистского расследования, к тому же представляющим немалую важность для подсудимого, журналисты не должны потакать похотливым вкусам любопытной толпы, публикуя сенсационные факты, не представляющие подлинной общественной значимости. Новостные СМИ должны стремиться уравновешивать права и интересы жертв и подсудимых с правом общественности на доступ к информации.

Чуткое отношение к культурной специфике

Журналист не должен механически повторять избитые стереотипы. Такая практика свидетельствует об интеллектуальной лени и чревата искажениями истины и ошибочными представлениями о действительности. Они должны тщательно взвешивать, следует ли идентифицировать людей по их расовой принадлежности, вероисповеданию, сексуальной ориентации и другим подобным характеристикам. Во многих случаях представляется уместным придерживаться нейтрального с гендерной точки зрения языка.

Репортеры должны чутко относиться к различным культурным традициям. Так, например, согласно некоторых религиям возбраняется или не одобряется практика фотографирования людей. В отсутствие уважительных причин, заставляющих поступать по-иному, журналисты должны с пониманием относиться к предпочтениям приверженцев таких религий.

С другой стороны, “культурные ценности” нередко служат своего рода маскировкой для цензуры. Репрессивные режимы в некоторых случаях ссылаются на необходимость уважения к социальным ценностям, хотя их истинная цель заключается в том, чтобы ограничить свободу слова и заставить замолчать диссидентов. Журналист, придерживающийся этических норм, должен препятствовать любым попыткам замалчивать правду независимо от того, под каким предлогом это делается.

Независимый журналист

Журналист должен в первую очередь служить интересам общества. Это значит, что он должен избегать конфликта интересов, способного породить сомнения в его независимости и способности информировать общественность, повинуясь только голосу своей совести.

Журналист не должен принимать от источников новостей подарки, гонорары, бесплатные билеты и приглашения в поездки, а также другие предметы или услуги. Присланные на рецензию книги, музыкальные произведения или кинофильмы следует жертвовать на благотворительность за исключением тех случаев, когда у журналиста есть профессиональные основания оставить их у себя для использования в дальнейшей работе. Остерегайтесь приглашений в поездки, которые представляют собой всего лишь прозрачные попытки выжать из репортера восторженный отзыв о том или ином предмете или пункте назначения. Новостные организации должны сами оплачивать командировочные расходы в целях освещения спортивных или культурных мероприятий. Если это невозможно, в репортаже должен быть указан источник финансирования.

Журналисты не должны рекламировать товары за плату, им следует отделять журналистскую

деятельность от рекламной стороны новостного бизнеса. Рекламодатели не могут требовать благоприятного освещения или запрещать публикацию негативных отзывов об их продукции. Рекламные объявления должны быть четко обозначены таким образом, чтобы их было невозможно спутать с новостными материалами или комментариями.

Членство в клубах, ассоциациях, политических партиях или религиозных организациях способно породить конфликт интересов для журналиста. Некоторые новостные организации запрещают своим служащим заниматься определенными видами политической или филантропической деятельности, в частности, баллотироваться на политические должности или участвовать на добровольных началах в пропагандистской кампании. Большинство СМИ запрещают своим журналистам освещать деятельность организаций, с которыми связаны они сами или их ближайшие родственники. Несмотря на то, что один из редакторов газеты Washington Post дошел до крайности, объявив, что не будет голосовать на выборах, репортеры никоим образом не отказываются от своих гражданских прав, вступая на журналистское поприще. Но важно помнить, что принадлежность к той или иной организации может быть истолкована как источник предвзятого отношения. Если конфликт интересов неизбежен, об этом должно быть объявлено.

Во многих СМИ существуют особые правила для репортеров и обозревателей, работающих в сфере бизнеса и финансов. На них могут распространяться законы, запрещающие незаконные операции с ценными бумагами на основе “внутренней” информации о деятельности компании-эмитента. Журналистам не разрешается писать о компаниях, чьими акциями они владеют или в которых у них существуют другие финансовые интересы, особенно если публикуемые материалы могут повлиять на состояние рынка и принести личную выгоду авторам статей. Они должны уведомить своих редакторов о том, какими финансовыми инструментами владеют они или члены их семей, и воздерживаться от операций с ценными бумагами в течение некоторого времени после публикации материала о них.

Подобно тому, как журналисты не имеют права брать деньги за тенденциозное освещение новостей, они не должны давать взятки или предлагать плату своим источникам информации. Для стороннего наблюдателя “проплаченные” материалы выглядят подозрительно. В некоторых ситуациях – например, когда информатору предлагается совершить поездку в определенный город или выступить по радио или на телевидении, уместно оплатить его оправданные расходы, включая транспортные издержки и затраты на питание и проживание. Но “платная журналистика” и торги новостями недопустимы.

Этические проблемы освещения деятельности правительства

Освещение деятельности государственных учреждений сопряжено с особыми трудностями. Общество в целом возлагает на прессу функции надзирателя, следящего за тем, чтобы правительство не злоупотребляло властью. Но что делать, например, в случае, когда сотрудники правоохранительных органов просят репортеров не публиковать подробные сведения о текущей ситуации с заложниками? Должны ли журналисты пойти им навстречу? В противном случае жизнь заложников может оказаться под угрозой. Но если журналисты удовлетворят просьбу полиции, как они могут настаивать на подотчетности правительства?

Во время войны, кризиса или чрезвычайной ситуации журналисты могут оказаться во власти противоречивых убеждений. От них могут настоятельно требовать патриотизма. Или же новоизбранное правительство может утверждать, что совершенно свободная пресса – непозволительная роскошь, требуя от журналистов благоприятного освещения во имя консолидации хрупкой нарождающейся демократии. Иногда журналистам предлагают распространять пропаганду под видом правды в интересах “национальной безопасности”.

В тех случаях, когда редакционные решения вступают в противоречие с волей властей, СМИ рискуют подвергнуться критике за то, что выдают свои собственные суждения за точку зрения выборных должностных лиц. Такая ситуация может возникнуть, когда правительство настаивает на необходимости держать в тайне сведения о деятельности разведывательных и правоохранительных органов. С другой стороны, журналистов могут осуждать за сокрытие или задержку информации в силу политических пристрастий.

Все это трудные вопросы, и ответы на них найти не просто. В качестве одного из основополагающих принципов журналист должен помнить о том, что он служит общественности, а не правительству или режиму. Ни один журналист не желает вреда своему городу или стране. Зато у правительства может возникнуть искушение запретить публикацию критических материалов в прессе под предлогом того, что их появление в печати может повредить

общественной или национальной безопасности. Репортерам следует относиться к подобным требованиям с уважением, но с достаточной долей скептицизма. Журналист может выслушать разъяснения представителей правительства по поводу того, каким образом тот или иной материал ставит под угрозу жизнь людей или какой-либо аспект национальной безопасности. Но при этом он должен пристально следить за тем, что делают власть имущие и в случае необходимости призвать их к ответу. Иногда высшее проявление патриотизма со стороны журналиста заключается именно в том, чтобы бросить вызов властям.

Подотчетность обществу

Важной частью работы журналиста является обеспечение подотчетности властей перед обществом. Со своей стороны, и новостные организации несут аналогичное этическое обязательство подотчетности.

СМИ более прозрачны в своей деятельности, чем многие деловые предприятия, потому что их продукция постоянно подвергается проверке. Журналисты регулярно рецензируют и критикуют работу своих коллег. При этом в большинстве стран в распоряжении потребителей имеется широкий выбор источников новостей, и журналисты, не соблюдающие этических норм, рискуют потерять аудиторию.

Тем не менее, новостные организации в большинстве своем могли бы быть более открыты для общества. Если деловые или политические связи влияют на редакционные решения, их следует предавать гласности. К примеру, не требовала ли благосклонного освещения в газете торговая фирма, помещающая в ней дорогую рекламу? Средства массовой информации должны разъяснять, на основании чего принимаются редакционные решения, в особенности, если они вызывают неоднозначную реакцию. Отклонения от обычных этических норм требуют объяснения. Новостные организации должны призывать читателей присылать свои отзывы, жалобы и предложения. В идеале перепиской с читателями должен заниматься преданный своему делу, беспристрастный сотрудник редакции.

Все новостные организации допускают ошибки. Они должны стремиться свести их до минимума, наладив механизм проверки фактов в процессе редактирования. Но если ошибки все же допускаются, редакция обязана без промедления их признать и исправить свою оплошность.

Особые этические вопросы, связанные с появлением новых СМИ и журналистов-любителей

Этические требования, которым должны удовлетворять традиционные средства массовой информации, практически в полной мере относятся также к журналистам-любителям, блогерам и другим сторонам новых СМИ. Но к лицам, публикующим свои материалы в киберпространстве, предъявляется особый счет.

В отличие от обычных журналистов, блогеры часто публикуются анонимно или под псевдонимами. В некоторых странах лица со скандальными или диссидентскими воззрениями скрывают свою идентичность из опасений за свою безопасность. Но даже те, кто высказывается анонимно, обязаны соблюдать правдивость, точность и максимальную прозрачность по поводу вероятного конфликта интересов.

Многие блогеры призывают своих читателей принимать участие в обсуждениях и присылать коменты на их сайты. Они нередко печатают у себя материалы, присланные читателями, помещают ссылки на другие веб-сайты или печатают выдержки из чужих публикаций для анализа и критического разбора.

Все эти методы придают блогам своего рода живость. Но блогеры должны думать о том, не следует ли им проверять ссылки и выступать в роли модератора в отношении размещаемых на сайте чужих постов, а также ввести запреты на определенные типы контента – например, видеоклипы откровенно сексуального характера или личные нападки. Желательно поместить объявление о таких запретах на видном месте и неукоснительно их придерживаться.

Использование социальных сетей

Многие журналисты, как из традиционных, так и из новых СМИ, все шире пользуются социальными сетями, такими как Facebook, Orkut и MySpace, а также ресурсом YouTube и другими веб-сайтами, на которых желающие могут размещать собственные материалы. Эти информационные средства нередко становятся источниками свежих идей и наводят на след интересных сюжетов. Они даже позволяют журналисту взаимодействовать с читателями и рекламировать свой “бренд”, приглашая

Вверху: Распространение социальных сетей создает новые проблемы для журналистов. Марк Цукерберг, руководитель компании Facebook, выступил с программной речью на конференции по вопросам Интернета 21 апреля 2010 года.

читателей посещать веб-сайт его новостной организации.

Но социальные сети ставят новые трудности перед журналистом, стремящимся соблюдать этические нормы. Проверка постов – нелегкая задача. Репортеры должны указывать, когда информация, положенная в основу их материала, позаимствована с веб-сайтов социальных сетей. Особую осторожность следует проявлять при использовании информации о несовершеннолетних, которая может повредить чьей-либо репутации, или сведений, которые являются чьей-либо собственностью, например, составляющих коммерческую тайну. Законы о клевете, неприкосновенности частной жизни и охране авторского права действуют и в киберпространстве.

Некоторые новостные организации разработали для своих сотрудников правила пользования социальными сетями. Так, фирма Dow Jones, которой принадлежит газета Wall Street Journal, требует, чтобы ее репортеры воздерживались от выражения своих личных и политических пристрастий на страницах Facebook или от обсуждения материалов, которые находятся на стадии подготовки и еще не появились в печати. Некоторые организации рекомендуют репортерам заводить отдельные страницы на Facebook – одну профессиональную, другую личную. Журналистам следует помнить, что объявление конфиденциального источника френдом на Facebook может способствовать раскрытию его идентичности перед всем миром. Они также не должны забывать о том, что решение стать френдом или присоединиться к фан-странице на Facebook можно посчитать проявлением предвзятого отношения.

Наконец, нужно иметь в виду, что ничто на Facebook и других веб-сайтах подобного рода не является по-настоящему приватным. Как только что-либо появилось на веб-сайте социальной сети, невозможно взять эту информацию назад или не допустить ее использованиями другими в их собственных целях.

Заключение

Многие журналисты не считают себя обязанными оправдывать свою роль в качестве наблюдателей за деятельностью правительства и проводников общественной информации. С их точки зрения, нынешнее широкое признание свободы самовыражения как одного из основных прав человека устранило последние сомнения на этот счет. И в силу этого некоторые журналисты полагают, что они наделены законным правом хотя бы изредка ошибаться.

Но собственные этические стандарты самих журналистов нередко оказываются строже, чем нормы закона. Они требуют, чтобы журналисты критично относились к мотивам, методам и плодам своего труда. Они заставляют репортеров и редакторов задавать нелицеприятные вопросы о том, как они принимают свои решения. И эти этические предписания побуждают журналистов смотреть на вещи под разными углами зрения и задумываться о том, как их решения могут повлиять на других.

Принимать этические принципы и следовать им – задача не из легких. Но они помогают журналистам выполнять свою работу наилучшим образом. Они требуют от журналистов независимости действий и мужества при поисках истины.

Все выступают в поддержку свободы слова. И дня не проходит, чтобы кто-то не восхвалял ее. Но некоторые считают, что свобода слова распространяется только на них, а если им ответят, то это уже безобразие.

Уинстон Черчилль
Премьер-министр Великобритании
Речь в Палате общин, 1943 г.

Новые СМИ, журналисты-любители и блогеры

Ничем не ограниченный мир блогосферы – похоже, последний бастион подлинной свободы слова. Не нужно много денег, дорогостоящего печатного станка или передающей башни. Любой человек, имеющий доступ к компьютеру, модему и кое-каким программам, может делиться своими мыслями с целым миром через сетевой дневник или блог. И многие сугубо личные и очень субъективные сетевые дневники, плодящиеся в интернете, населяют мир, далекий от порой унылой сферы традиционной журналистики с ее дотошными ссылками на источники и проверкой фактов. Блоггеры – сами себе закон. Впрочем, так ли это?

Баланс между свободой слова и конкуренцией интересов в интернете

С rom первых дней массового пользования интернетом людей сплачивало то, что киберпространство было новым рубежом, не подвластным никаким законам. Но правительства по всему миру, потрясенные последствиями новой коммуникационной технологии, пытались сообразить, как можно обуздать и контролировать ее использование. Первой преградой, осложняющей жизнь пользователя, стало получение доступа в интернет. Доклад, выпущенный в 2007 году группой OpenNet Initiative, отслеживающей ситуацию в интернете, показал, что попытки цензуры в Сети расширяются и становятся более изощренными. Саудовская Аравия, например, использует программные фильтры для блокирования всего на свете – от сайтов, отнесенных к категории порнографии и азартных игр, до сайтов, посвященных обращению из одной религии в другую, и сайтов, критикующих саудовскую монархию. Китай подвергался критике за комплекс мер по контролю над интернетом, включая программные фильтры, требование приобретения лицензий пользователями и интернет-кафе и запрещение интернет-кафе.

В Соединенных Штатах Конгресс, законодательные органы штатов и суды неоднократно пытались найти баланс между свободой слова в интернете и соперничающими с ней интересами, такими как национальная безопасность, охрана авторских прав и право на репутацию. В своем известном решении по делу "Рено против Американского союза защиты гражданских свобод" (1997 год) Верховный суд США распространил на сообщения во всемирной паутине те же самые защитные нормы Первой поправки, которые распространяются на газеты и другие печатные СМИ. Киберпространство, постановил Суд, не является ни "дефицитным товаром для экспрессии", как частотный спектр, используемый радиостанциями и телекомпаниями, ни тем типом товара, который навязчиво проникает в "дом человека или появляется на экране компьютера без приглашения с его стороны". Поскольку ни одно из этих исторических обоснований государственного лицензирования и контроля не применимо, судья Джон Пол Стивенс от имени большинства написал: "Заинтересованность в поощрении свободы самовыражения в демократическом обществе

перевешивает любые теоретические, но не доказанные преимущества цензуры”.

Решение по делу Рено означает, что сообщения в интернете получают самый высокий уровень конституционной защиты, в том числе на них распространяются многочисленные судебные постановления, определяющие сферу применения Первой поправки. Вводившиеся ранее ограничения считаются неконституционными. Успешные судебные иски за клевету требуют доказательства вины издателя, даже если истец доказывает, что оспариваемое утверждение не соответствует действительности. Большинство исков по делам о вторжении в частную жизнь отклоняются, если издатель может показать, что тема его публикации была приемлема для новостей. Нарушения авторских прав могут быть оправданы, если публикация представляет собой добросовестное использование информации.

Не надо быть признанным журналистам, чтобы прибегнуть к этим средствам защиты. Еще в 1972 году Верховный суд США указал: “Свобода печати является правом отдельно взятого памфлетиста … в той же мере, что и крупного столичного издателя”. Именно поэтому блогеры находятся под защитой Первой поправки. Они могут также пользоваться законодательной защитой. Действующие законы, охраняющие конфиденциальные источники репортеров, могут распространяться или не распространяться на блогера в зависимости от формулировок закона или судебного рассмотрения вопроса. Хотя действие некоторых законов ограничивается штатными сотрудниками традиционных СМИ, многие из них носят расширительный характер, охватывая любого, кто занимается сбором информации и ее распространением среди широкой аудитории. Калифорнийский суд постановил, что закон штата об охране конфиденциальности защищает идентичность блогеров, раскрывших профессиональные секреты компании Apple Computer. Согласно постановлению суда, их публикации представляли собой “новости”. Но вскоре после этого федеральный суд в том же штате отказался признать, что блогер Джон Вулф, называющий себя анархистом, является журналистом, поскольку он “не связан и не работает по найму” с каким-либо средством массовой информации.

Американские суды расширительно толкуют статью 230 “Закона о соблюдении пристойности в коммуникациях”, которая обеспечивает неприкосновенность провайдеров “интерактивных компьютерных услуг” (ISP) от обвинений в клевете, вытекающих из контента, предоставленного третьими сторонами. Суды распространили эту защитную норму на тех, кто руководит веб-сайтами и списками рассылки, даже если они осуществляют определенный редакционный контроль над этими материалами. Тот же самый анализ по логике вещей должен распространяться и на блоги.

Привлечение блогеров к ответственности

Могут ли блогеры загружать в интернет любую информацию, не опасаясь предъявления исков?

Никоим образом. Какой бы иммунитет ни действовал в отношении ссылок на сайты третьих сторон или сообщений, представленных читателями, издателю блога все равно могут предъявить иск за любой материал, который он пишет сам. В ходе судебного процесса длительному изучению могут подвергнуться используемые блогером методы сбора новостей. Пытался ли он проверить точность статьи, или просто повторил необоснованные слухи? Не полагался ли он на анонимные источники? Не проявлял ли он халатность или неосторожность по отношению к истине? Если суд сочтет, что это так, ответчик может проиграть иск.

В большинстве стран иски за клевету могут основываться только на искажении фактов. Никто не может быть привлечен к ответственности за высказывание мнений, истинность или ложность которых доказать нельзя. Но многие блоги представляют собой густую смесь личных мнений и необоснованных утверждений. Иногда бывает трудно провести грань между тем и другим, когда используется право на собственное мнение. В этом случае нужно доказывать, что отправные фактические сведения, на которых основывается мнение, соответствуют действительности.

Применяемые в США средства судебной защиты заканчиваются на границах страны, а у интернета их нет. Блогер в Соединенных Штатах может сколько угодно размахивать Первой поправкой и статьей 230, но суд иностранного государства вовсе не обязан принимать ее во внимание. В большинстве случаев эти суды будут применять собственные законы. Хотя традиционно журналисты давно сталкиваются с судебными исками и даже уголовным преследованием в других странах, где распространяются плоды их труда, блогеров может удивить то, что им могут также предъявить иск в любом месте, где читают их слова.

Верховный суд Австралии вынес такое постановление в 2002 году, когда он позволил “Бриллиантовому Джо” Гатнику подать иск за клевету. Австралийский гражданин Гатник утверждал, что статья, опубликованная в интернете американским журналом Barron’s, является клеветнической. Когда Гатник доказал, что в его родном Мельбурне эту статью скачало несколько человек, суд разрешил ему подать иск за клевету в этом городе. Председатель суда постановил: “Те, кто размещает информацию во всемирной сети, делают это, зная, что она доступна всем без каких-либо географических ограничений”.

Иски за клевету – это не все, о чем надо беспокоиться блогерам. Во многих странах согласно действующим законодательным актам правонарушением или даже преступлением считается “оскорбление” или “посягательство на достоинство” человека, даже если критика совершенно правильна. Например, в 2008 году блоггер Раджа Петра Камарудин, редактор сайта “Малайзия сегодня”, был арестован и содержался под стражей по обвинению в нарушении Закона о внутренней безопасности Малайзии, выразившемся в критике ислама.

Во многих странах в законе закреплено право на ответ, согласно которому коменты лиц и корпораций, утверждающих, что они стали предметом неточных сообщений, подлежат публикации в обязательном порядке. В 2006 году Европейский парламент принял рекомендацию Совета Европы распространить это право на сетевые СМИ, в том числе любую “доступную общественности службу, содержащую часто обновляемую и редактируемую информацию, представляющую общественный интерес”. Подобная формулировка вполне может относиться к типичному сетевому дневнику.

Многие блогеры уже предпринимают подобные шаги. Они обновляют свои блоги, публикуя опровержения или изменения к ошибочным сообщениям и свободно размещают коменты недовольных читателей. Эти блогеры утверждают, что для ответственного поведения им не нужны законы. Однако существует большая разница между выбором редактора, который он делает для повышения репутации, и действиями, вынуждаемыми законом.

Кроме того, многие блогеры анонимно публикуют оскорбительные коменты в сети. Согласно статье 230,

Вверху: Австралийский филантроп «Бриллиантовый Джо» Гатник (слева) подал иск на журнал Barron’s за публикацию клеветнической статьи в Интернете в 2002 г. Хотя статья была опубликована в США, Верховный суд Австралии разрешил Гатнику подать иск за клевету в Мельбурне, аргументируя это тем, что размещение информации в Интернете обуславливает ее доступность во всем мире.

можно обязать провайдеров интернет-услуг раскрыть личность человека, если судья приходит к выводу, что истец предъявил обоснованную претензию на клевету. В данном случае к категории “провайдеров” относятся газеты и другие средства массовой информации, которые могут быть вынуждены сорвать маски с читателей, размещающих анонимные коменты на своих сайтах, лишив их защищенности от возмездия или расплаты.

охрана неприкосновенности частной жизни и авторских прав

Вторжение в частную жизнь создает особые проблемы в киберпространстве. Цифровые технологии облегчают процесс сбора новостей. Теоретически создание цифровой информации о деятельности власти должно создавать беспрецедентную возможность для гражданского доступа к информации и контроля. Но многие судьи и законодатели, опасаясь того, что доступ облегчит “кражу личности”, дискриминацию при трудоустройстве или иные противоправные действия, вместо этого ограничивают доступ к электронным файлам.

Судьи также выражают недовольство в связи с перспективой того, что посторонний человек из отдаленной местности, не связанный законными интересами с местным сообществом, сможет просматривать в интернете судебные протоколы или записи о сделках с недвижимостью и публиковать их в сети. Они опасаются, что блогеры в большинстве случаев просто распространяют слухи, нарушают законы об авторских правах и разглашают личные данные пострадавших от сексуального насилия, прикрываясь анонимностью, которую предоставляет им интернет. Их беспокоит то, что журналисты-любители с камерами на сотовых телефонах и диктофонами могут вторгнуться в залы суда и освещать судебные процессы в интернете, – подобную практику они считают деструктивной и недостойной. Контроллеры зон как правило не препятствуют доступу к государственным протоколам и документам. Однако когда доступ становится недорогим и слишком простым, возникают сомнения в его целесообразности. Информация может оказаться слишком ценной или опасной для размещения в интернете.

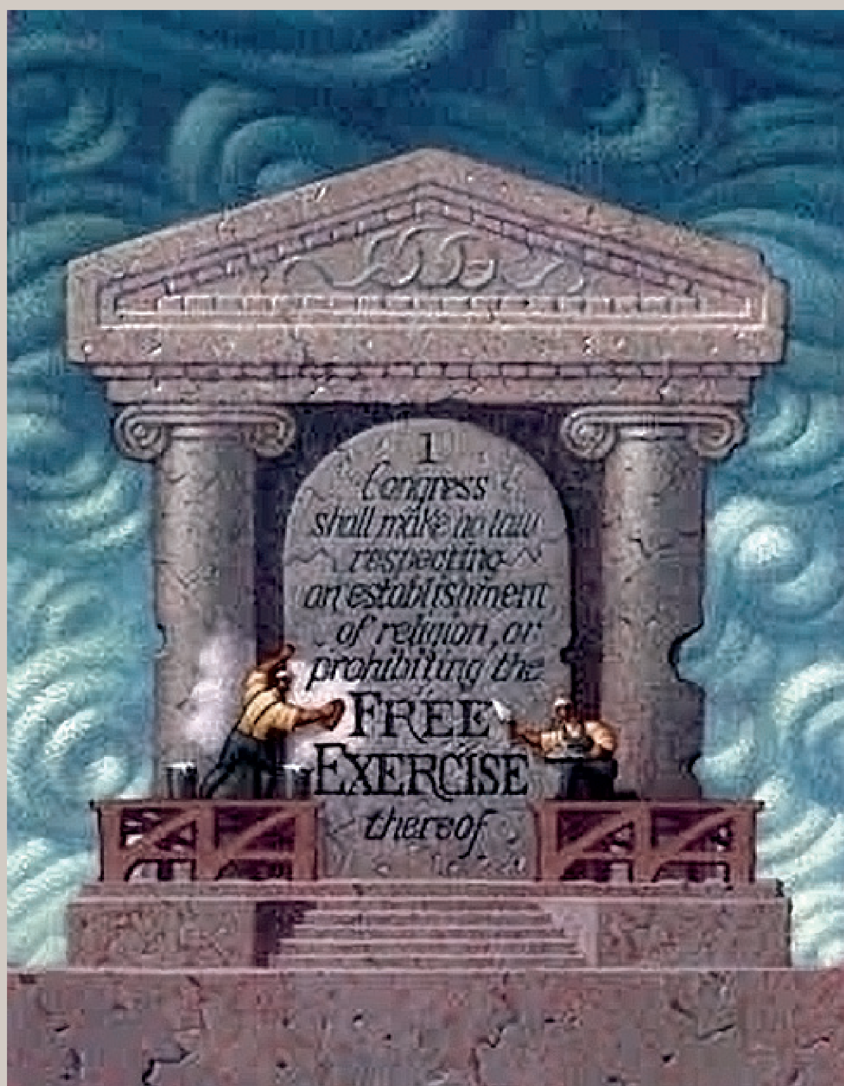
Например, в сентябре 2008 года судья суда первой инстанции в Калифорнии запретил газете Orange County Register передавать “всеми средствами и способами, будь то лично, в электронном виде, посредством аудио или видеозаписи, или в печатном виде” выступления свидетелей по групповому иску о продолжительности рабочей недели и заработной плате, возбужденному разносчиками данной газеты. Он пришел к выводу, что этот судебный запрет необходим для того, чтобы на будущих свидетелей не влияли показания других лиц.

В итоге апелляционный суд отменил это судебное решение. Он постановил, что риск влияния новостных сообщений на свидетелей был недостаточен для того, чтобы оправдать необходимость цензуры. Другие, менее инвазивные альтернативы, такие как рекомендации свидетелям избегать чтения газеты, позволяют достичь той же цели. Распространенность сетевых СМИ убедила судью первой инстанции принимать решения, невзирая на почти 70 лет прецедентов, ставивших вне закона прежние ограничения подобного рода.

Отдельные проблемы возникают в связи с законодательством об авторских правах. Владельцы интеллектуальной собственности всегда обладали законным правом требовать, чтобы нарушители “прекращали противоправное” издание и распространение произведений, нарушающих авторские права. Однако интернет значительно облегчает копирование чужих произведений без разрешения правообладателя. Должна ли телефонная компания или другой провайдер интернет-услуг нести ответственность, когда один из их клиентов легально использует свои средства связи для размещения скачиваемого mp3-файла? Закон США о защите авторских прав в цифровую эпоху (DMCA), вступивший в силу в 1998 году, был предназначен для устранения этой ситуации без ущемления охраняемой свободы слова. Содержащееся в законе положение об “укрытии” защищает провайдеров от ответственности, если при получении уведомления о размещении материала, нарушающего авторские права, они “в срочном порядке” удаляют его.

Проблема в том, что осмотрительный провайдер предпочтет ликвидировать контент, предоставляя абоненту и обладателю авторских прав самим разбираться со своими правами. В целях упрощения данного процесса DMCA позволяет владельцам авторских прав использовать “административные повестки” для того, чтобы заставить провайдера раскрыть личность абонента. Несмотря на то, что эти повестки могут выдаваться только для пресечения противоправной деятельности, существует опасность того, что они могут быть использованы в обход устоявшихся принципов Первой поправки, охраняющих право на анонимность высказываний.

Появление интернета как важной технологии в области связи и издательской платформы для журналистов создает новые юридические сложности. Но руководящие принципы должны оставаться неизменными. Они не должны находиться в зависимости от того, работает ли журналист на традиционные СМИ или издает блог. Судьи и законодатели должны следовать принципам, которые издавна охраняют прессу и право общественности на информацию, независимо от их принадлежности или платформы.

Без свободной прессы, без свободы слова все внешние формы и проявления свободных институтов – иллюзия... если пресса не свободна от ограничений, если она не пользуется независимостью; если разум зашорен или парализован страхом, нет никакой разницы, при какой форме власти вы живете. Вы – объект, а не гражданин.

Уильям Бора
Сенатор США
Речь в Сенате, 19 апреля 1917 г.

Свободный обмен информацией и укрепление гражданского общества

Мужественные журналисты по всему миру рискуют благополучием и даже жизнью, освещая новости и распространяя достоверную информацию перед лицом репрессивных режимов и вопреки другим серьезным препятствиям. Однако журналистика особенно процветает в условиях верховенства закона. Свободная пресса наиболее эффективно охраняется национальной конституцией или законодательством либо нормами общего права. Но в каком бы виде он ни существовал, закон должен как минимум ограждать новостные СМИ от цензуры и гарантировать репортерам доступ к информации.

"Свобода печати" – не просто лозунг, и она представляет важность не только для журналистов. Право получать и сообщать информацию является универсальным. Система общеприменимых законов – всеобщее благо, но специальное законодательство, рассчитанное только на новостные СМИ, предоставляющее прессе защиту или наделяющее ее особыми правами, менее желательно, ибо оно фактически чревато лицензированием печати. Оно также порождает ложное чувство безопасности. Права, сегодня дарованные в законодательном порядке, завтра могут быть отобраны.

В этом и состоит парадокс. "Верховенство закона", как ни определяй это понятие, распространяется на всех, в том числе и на прессу. Но ведь наряду с хорошими законами могут приниматься и плохие, да к тому же самые лучшие законы могут отменяться. В этом одна из причин нежелания некоторых журналистов заниматься лоббированием даже в пользу благоприятных для прессы законодательных мер, например, законов, освобождающих журналистов от обязанности раскрывать источники конфиденциальной информации.

Правительства приходят и уходят, но общественная поддержка принципа свободы печати должна носить неуклонный характер, ибо в конечном счете он идет на пользу всему обществу. Свободная печать служит опорой права общества на доступ к информации, ибо она стимулирует ее свободный обмен. Свобода печати опирается на общенациональную поддержку, включая поддержку правительства, результатом чего является укрепление гражданского общества в интересах всех.

Наряду с наличием твердых правовых гарантий необходимо иметь независимые судебные органы, способные проследить за их справедливым применением, в том числе и в порядке принудительного исполнения. Как бы ясно ни был сформулирован закон, всегда существует опасность разночтений в его толковании и возникновения вследствие этого конфликтов. В таких случаях решающую роль играют суды. Судьи, понимающие важность сохранения свободной прессы, являются наилучшей гарантией защиты ее привилегий.

Правозащитные ресурсы для журналистов

В данном разделе мы рассмотрим некоторые из организаций, добивающихся принятия и усиления

законов, гарантирующих и укрепляющих свободу печати.

Article XIX

http://www.article19.org

Организация "Статья XIX", созданная в 1986 году, названа в честь статьи Всеобщей декларации прав человека, которая гарантирует свободу самовыражения и свободу убеждений. Эта организация, базирующаяся в Лондоне, занимается лоббированием и судебными тяжбами в международном масштабе в поддержку этих всеобщих прав.

"Статья XIX" создает сети для распространения сведений об угрозах свободе самовыражения и для повышения эффективности их мониторинга. Эта НПО предоставляет правовую подготовку для членов других организаций, журналистов и государственных должностных лиц. Она вырабатывает образцы законодательных актов, включая законопроекты о свободе информации, ведет доступную для поиска базу данных экспертных заключений юристов и предоставляет другие ресурсы. "Статья XIX" периодически публикует доклады с целью привлечь внимание международной общественности к законам и действиям, ущемляющим свободу информации и самовыражения. Она осуждает гонения как на новостные организации, так и на отдельных журналистов. В числе ее многочисленных достижений следует отметить созыв в 1995 году совещания специалистов по международному праву и правам человека, на котором были приняты Йоханнесбургские принципы национальной безопасности, свободы самовыражения и доступа к информации.

Canadian Journalists for Free Expression (CJFE)

http://www.cjfe.org/

Организация "Канадские журналисты за свободу слова", изначально созданная в 1981 году по инициативе канадского Центра расследовательской журналистики, пропагандирует свободу самовыражения по всему миру и организует курсы подготовки журналистов в развивающихся странах, в том числе в Индонезии и Таиланде. По окончании гражданской войны в Сьерра-Леоне CJFE приняла участие в восстановлении ключевых элементов СМИ этой страны.

CJFE руководит работой координационного центра Международной ассоциации по защите свободы слова (IFEX), виртуальной сети из 88 организаций, осуществляющей мониторинг положения со свободой слова по всему миру и распространяющей эту информацию более чем в 120 странах. IFEX издает ежедневный бюллетень Action Alerts с разбивкой по странам и регионам, а также еженедельник *Communique*.

Central European and Eurasian Law Initiative (CEELI)

http://abarol.ge/about_ceeli.html

Центральноевропейская и евразийская юридическая инициатива была запущена в 1990 году Американской ассоциацией юристов для предоставления технической помощи в повышении профессионального уровня юристов и судей в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. В рамках этой инициативы в Праге открыт учебный центр, создана сеть укомплектованных добровольцами пунктов юридической информации.

Цели CEELI заключаются в пропаганде принципа подотчетности и распространении осведомленности о международных стандартах в области прав человека, борьбе с коррупцией, а также в повышении прозрачности и подотчетности в деятельности государственных учреждений.

Center for International Media Assistance (CIMA)

http://cima.ned.org/

Центр помощи международным СМИ является инициативой частной некоммерческой организации "Национальный фонд демократии", призванной поддерживать программы помощи СМИ по всему миру. CIMA организует совещания рабочих групп и другие мероприятия, ведет базу данных ресурсов помощи СМИ и выполняет исследования. Центр помощи международным СМИ создал сеть профессиональных журналистов и экспертов в области СМИ в рамках Глобального форума развития СМИ. Деятельность CIMA финансируется из средств гранта, предоставленного Государственным департаментом США.

Chapultepec Project

http://www.declaraciondechapultepec.org/

Чhe апультепекский проект был учрежден в 1994 году по инициативе Межамериканской ассоциации прессы, к которой принадлежат свыше 1300 газет и журналов Западного полушария. Исходная цель Чапультепекского проекта состояла в пропаганде важности свободы печати в гражданском обществе, но

со временем миссия проекта расширилась. Под его эгидой была проведена серия международных конференций с участием представителей всех трех ветвей власти, которые повели к сокращению масштабов применения законов об оскорблении представителей власти.

Чапультепекский проект трижды представлял в суде записки эксперта в пользу журналистов по делам, разбиравшимся Межамериканской комиссией по правам человека, направлял миссии и проводил чрезвычайные форумы, протестуя против законодательных мер, посягающих на свободу печати.

В 1999 году Чапультепекский проект опубликовал первое сравнительное исследование законов, имеющих отношение к свободе печати в странах Западного полушария, под названием "Свобода печати и закон". В настоящее время рассматривается новая инициатива по внутренним проблемам, стоящим перед новостными организациями, и ценностям, которыми они должны руководствоваться.

Citizen Media Law Project (CMLP)

http://www.citmedialaw.org

Организация "Проект по законам о гражданских СМИ", созданная на базе Беркмановского центра по изучению интернета и общества при юридическом факультете Гарвардского университета в Кембридже (штат Массачусетс), предоставляет юридическую помощь, специальную подготовку и ресурсы лицам, причастным к онлайновой и "гражданской" журналистике. CMLP также подает в суды записки эксперта по делам, находящимся на стадии обжалования. На веб-сайте этой организации приводятся всевозможные правовые инструкции и "база данных угроз" с описанием текущих и предстоящих судебных дел, имеющих отношение к онлайновым СМИ.

CMLP создала сеть адвокатов и правоведов, проявивших интерес к защите лиц, привлеченных к судебной ответственности в связи с их деятельностью на поприще онлайновой журналистики. CMLP аффилирована с Центром по гражданским СМИ при университете штата Аризона.

Committee to Protect Journalists (CPJ)

http://www.cpj.org

Комитет по защите журналистов был создан в 1981 году группой иностранных корреспондентов из Соединенных Штатов. Эта НПО, базирующаяся в Нью-Йорке, но располагающая сетью консультантов более чем в 120 странах мира, проводит свои собственные расследования случаев притеснения журналистов. CPJ публикует статьи, пресс-релизы, специальные доклады и ежегодное глобальное исследование по вопросам свободы печати под названием "Нападки на прессу". CPJ приходит на помощь оказавшимся под угрозой местным журналистам и иностранным корреспондентам, а также консультирует журналистов, получающих опасные задания.

Кампании, организованные CPJ, помогли добиться освобождения журналистов, подвергшихся тюремному заключению в Иране, включая тегеранского корреспондента журнала Newsweek Мазияра Бахари и независимых журналистов Роксаны Сабери и Ясона Атанасиадиса.

Electronic Frontier Foundation (EFF)

http://www.eff.org

Фонд "Электронная граница" – неправительственная организация с представительствами в Сан-Франциско и Вашингтоне – был основан в 1990 году. Он выступает в защиту свободы слова, неприкосновенности частной жизни, инноваций и прав потребителей в онлайне. EFF многократно выступал в качестве стороны на процессах в американских судах. Через свой Оперативный центр EFF консультирует политиков, мобилизует общественность на обсуждение законодательных актов и ведет просветительскую работу среди населения. Хотя в основном он занимается американскими делами, EFF также борется за цифровые права во всем мире. В июле 2009 года он опубликовал "Практическое руководство для политических активистов по использованию интернет-технологий в странах с репрессивными режимами".

Freedom House

www.freedomhouse.org

Элеонора Рузвельт и кандидат в президенты США на выборах 1940 года Уэнделл Уилки стали первыми почетными сопредседателями организации Freedom House ("Дом свободы"), созданной в 1941 году. Базирующаяся в Вашингтоне, Freedom House публикует самые разные годовые обзоры, включая "Свободу в мире" и "Свободу печати" – ежегодный доклад по вопросу о независимости СМИ во всем мире."

Freedom House, ведущая агитацию за права человека и демократию в глобальных масштабах, работает напрямую со сторонниками демократических реформ в Центральной Азии, Центральной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке, в Африке, Латинской Америке и в странах бывшего Советского Союза, предоставляя обучение, консультации по политическим вопросам и поддержку.

В 2009 году с Freedom House слился Всемирный комитет по свободе печати (WPFC) (http://www.wpfc.org), базирующийся в северной Вирджинии консорциум из 44 групп защиты свободы СМИ. В течение 30 с лишним лет WPFC вел мониторинг политики в отношении свободы печати, проводимой международными организациями, в частности, ЮНЕСКО, и публиковал авторитетные исследования, в частности, в области законодательства об оскорблении представителей власти.

Основным европейским представительством Freedom House является филиал организации – Freedom House Europe (http://www.freedomhouse.hu/) со штаб-квартирой в столице Венгрии Будапеште.

Index on Censorship

http://www.indexoncensorship.org

Организация Index on Censorship ("Досье на цензуру"), учрежденная в 1972 году в виде журнала группой лондонских журналистов и писателей, является НПО, агитирующей за свободу слова по всему миру путем сотрудничества с местными низовыми группами. В 2009 году организация приступила к осуществлению проектов в Тунисе, Афганистане, Пакистане, Ираке и Бирме. Она также поддерживает проекты развития журналистики и искусств и имеет программу по работе с молодежью.

Веб-сайт Index on Censorship является ресурсом текущих новостей на тему свободы самовыражения.

International Center for Journalists (ICFJ)

http://icfj.org/

Международный центр журналистики со штаб-квартирой в Вашингтоне осуществляет практическую подготовку журналистов в 176 странах путем проведения семинаров, симпозиумов, международных обменов и предоставления стипендий. В ведении центра находится онлайн-ресурс "Международная журналистская сеть", IJNet (http://www.ijnet.org/), который информирует журналистов о возможностях повышения профессиональной квалификации и оказывает им другие виды содействия.

International Media Lawyers Association (IMLA)

http://www.internationalmedialawyers.org

Международная ассоциация юристов, работающих со средствами массовой информации, представляет собой сеть специалистов, которая выполняет функции координационного центра для обмена информацией, стратегиями и опытом в области правовых норм регулирования деятельности СМИ и свободы печати. IMLA, созданная на базе Оксфордского университета в Англии, служит каналом связи между адвокатами, отстаивающими публичные интересы, которые трудятся в разных странах мира на поприще защиты свободы слова. IMLA также проводит курсы подготовки для политиков и юристов, работающих со средствами массовой информации.

International Press Institute (IPI)

www.freemedia.at

Леонора Рузвельт и кандидат в президенты США на выборах 1940 года Уэнделл Уилки стали первыми почетными сопредседателями организации Freedom House ("Дом свободы"), созданной в 1941 году. Базирующаяся в Вашингтоне, Freedom House публикует самые разные годовые обзоры, включая "Свободу в мире" и "Свободу печати" – ежегодный доклад по вопросу о независимости СМИ во всем мире.

International Senior Lawyers Project (ISLP)

http://www.islp.org

Международный проект пожилых юристов, созданный в 2001 году, имеет штаб-квартиру в Нью-Йорке и представительства в Вашингтоне и Париже. Эта организация мобилизует вышедших на пенсию или собирающихся на покой юристов для оказания правовой и законодательной помощи развивающимся странам, борьбы за свободу печати и свободу доступа к информации. Сфера деятельности ISLP охватывает весь мир, но основные усилия этой группы приходятся на страны Восточной Европы, Россию и Индию.

В числе многих других проектов ISLP заслуживают упоминания созыв конференции по изучению роли Китая в установлении глобальных норм и стандартов пользования интернетом, представление правовой

аргументации в пользу точки зрения, что принятый в Сьерра-Леоне закон об уголовно наказуемой клевете является нарушением конституции этой страны, оказание содействия Центру экстремальной журналистики в поддержке журналистов из стран бывшего Советского Союза, преследуемых по суду по обвинениям в диффамации и других правонарушениях аналогичного свойства. В 2008 и 2009 годах ISLP консультировал разработчиков законопроекта о свободе информации и печати в Йемене.

International Research & Exchanges Board (IREX)

http://www.irex.org/

Основанный в 1968 году Международный совет исследований и обменов со штаб-квартирой в Вашингтоне является международной НПО, ставящей своей задачей укрепление независимых СМИ и улучшение политической атмосферы для журналистской деятельности. Вместе со своим партнером IREX Europe (http://www.europe.irex.org), базирующимся во французском Лионе, IREX организует учебные программы для журналистов и консультирует местных партнеров в 100 с лишним странах мира в целях поддержки и укрепления гражданского общества. Так, например, IREX помог местным организациям в лоббировании пересмотра законов о средствах массовой информации в Словакии и Болгарии. Издаваемый IREX индекс Media Sustainability Index дает количественную оценку положения независимых СМИ в 76 странах.

Open Society Institute and Soros Foundations Network

http://www.soros.org

Частный фонд под названием "Институт открытого общества" со штаб-квартирой в Нью-Йорке был создан в 1993 году инвестором и филантропом Джорджем Соросом. На основе своей программы Open Society Justice Initiative (OSJI) Институт открытого общества агитирует за судебные реформы и выступает стороной в целом ряде судебных дел, связанных с правами человека, в том числе с вопросами свободы информации и самовыражения. Институт также проводит исследования, включая имевший большой резонанс обзор 2006 года о реакции государственных ведомств на запросы, подаваемые в рамках закона о свободе информации. Авторы исследования заключили, что недавно принятые законы эффективнее законодательных мер, существующих в более старых демократиях. OSJI считает, что представленная им записка эксперта по делу "Клод против Чили", которое слушалось Межамериканским судом по правам человека, сыграла определенную роль в том, что в апреле 2009 году в Чили был принят закон о свободе информации (http://www.soros.org/initiatives/justice/litigation/chile).

Privacy International (PI)

http://www.privacyinternational.org

Международная НПО Privacy International, созданная в 1990 году коалицией из 100 с лишним экспертов по вопросам приватности и организаций по правам человека из 40 стран, проводит исследования и спонсирует программы, посвященные угрозам приватности частных лиц. Privacy International, базирующаяся в Лондоне, осуществляет мониторинг мероприятий правительств по слежке за своими гражданами и изучает возможные последствия феномена трансграничных потоков информации. PI издает большое количество книг и докладов, включая ежегодный международный отчет о положении в области свободы информации – Freedom of Information Survey. НПО анализирует предлагаемые законопроекты, в особенности в развивающихся демократиях, таких как Албания, Молдова и Хорватия, а также изучает вопрос о том, как влияют мероприятия по борьбе с терроризмом на свободу печати и на право журналистов сохранять конфиденциальность своих источников.

Radio Television Digital News Association (RTDNA)

http://www.rtnda.org/

Ассоциация сотрудников служб новостей радио, телевидения и цифровых СМИ (ранее называвшаяся "Ассоциацией директоров отделов новостей радио и телевидения") является крупнейшей в мире отраслевой ассоциацией, которая служит интересам исключительно сотрудников электронных новостных СМИ. RTDNA, основанная в 1946 году, борется за соблюдение этических норм в работе журналистов, за свободу информации и свободу печати. Ассоциация занимается агитацией и лоббированием, а также изредка выступает стороной в судебных разбирательствах по делам, затрагивающим интересы электронной журналистики в Соединенных Штатах и за границей.

Посредством своего фонда RTDNA спонсирует семинары и учебные программы, а также программу журналистских обменов RIAS в Германии.

Reporters Committee for Freedom of the Press (RCFP)

http://www.rcfp.org

Комитет репортеров за свободу печати, основанный в 1970 году, является НПО со штаб-квартирой в Арлингтоне, штат Вирджиния. RCFP имеет круглосуточную “горячую линию”, по которой любой журналист в Соединенных Штатах может бесплатно получить юридическую консультацию и помощь в поисках нужных материалов. Комитет лоббирует и агитирует по вопросам свободы печати и открытого правительства, подает записки эксперта по судебным делам, и от своего собственного имени возбуждает иски. RCFP также публикует самые разные юридические инструкции и справочники по вопросам правового регулирования деятельности СМИ и законам о свободе информации.

Reporters Without Borders (Reporters Sans Frontières [RSF])

http://www.rsf.org/

Группа “Репортеры без границ”, основанная в 1985 году, борется против законов о цензуре и выступает за повышение безопасности журналистов, особенно в военных зонах. RSF направляет на места миссии по выяснению фактов и защищает репортеров, брошенных за решетку или подвергающихся гонениям.

В числе многочисленных публикаций RSF в первую очередь заслуживают упоминания выходящий в январе ежегодный обзор свободы печати, перечень “хищников, ведущих охоту на свободу прессы”, выпускаемый раз в год по случаю Всемирного дня свободы печати (3 мая), и публикуемый в октябре ежегодный индекс свободы печати во всемирном масштабе – Worldwide Press Freedom Index.

Эта НПО располагает филиалами в девяти странах, представительствами в Париже, Нью-Йорке, Токио и Вашингтоне, а также сетью из более чем 120 корреспондентов в других странах мира.

.

Society of Professional Journalists (SPJ)

http://www.spj.org

Общество профессиональных журналистов, крупнейшая в США ассоциация действующих журналистов, занимается лоббированием и агитацией за свободу печати. SPJ представляет записки эксперта в судах, возбуждает иски и выступает в пользу оказавшихся под угрозой журналистов в Собединенных Штатах и в других странах мира. Тысячи журналистов добровольно берут на себя обязательство соблюдать положения Кодекса этических норм SPJ, на который чаще всего ссылаются как на самую авторитетную декларацию этических стандартов журналистики в США.

Ujima Project

http://www.ujima-project.org

“Проект Юджима” представляет собой коллекцию баз данных, документов и других видов информации, созданную в сентябре 2009 года с целью добиваться повышения прозрачности в деятельности правительств африканских стран, в особенности там, где не существует законов о свободе информации. “Проект Юджима” пользуется поддержкой Института СМИ района Великих озер (http://www.greatlakesmedia.org/) – НПО, чья миссия состоит в содействии развитию профессиональной и этичной журналистики в странах Африки к югу от Сахары.

Дополнительные ресурсы

Помимо вышеперечисленных организаций и сайтов вниманию читателей предлагается следующий перечень источников, содержащих широкий выбор дополнительных публикаций и других ресурсов по вопросам правового регулирования деятельности СМИ и журналистской этики:

Онлайн-ресурсы

Центр этики в международных СМИ

http://www.cimethics.org/

- Ресурсная страница по журналистской этике. Центр проводит ежегодные конференции, обеспечивает обучение и доклады и издает ежемесячный информационный бюллетень по этике в журналистике.

EthicNet

http://ethicnet.uta.fi/codes_by_country

- Подборка кодексов журналистской этики, организованная по странам.

Ресурсный центр по законодательству о СМИ

http://www.medialaw.org

₡ Некоммерческий информационно-координационный центр, поддерживаемый средствами массовой информации и юридическими фирмами для отслеживания ситуации и обеспечения прав, предусмотренных Первой поправкой, в части клеветы, неприкосновенности частной жизни и в смежных правовых областях.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)

http://www.osce.org/resources/

₡ Страница ресурсов ОБСЕ со ссылками на материалы по свободе СМИ.

Организация новостных омбудсменов

http://newsombudsmen.org/

₡ Сайт, посвященный концепции независимого резидента-омбудсмена – простому, но эффективному механизму саморегулирования.

Центр Силья по изучению этики и законодательства в сфере СМИ

http://www.silha.umn.edu

₡ Главная задача центра – проводить исследования в областях, где сходятся правовые и этические вопросы, и отслеживать изменения в законодательстве или журналистской практике, которые могут произойти в результате.

ЮНЕСКО

http://unesdoc.unesco.org/ulis/index.shtml

₡ Веб-страница "Документы и публикации" обеспечивает возможность поиска для доступа к публикациям ЮНЕСКО.

Подборка недавно опубликованных книг

Glasser, Charles J. (ed). International Libel and Privacy Handbook, 2nd Edition. New York, NY: Bloomberg Press, 2009.
The First Amendment Handbook. Arlington, VA: The Reporters Committee for Freedom of the Press, 2003. http://www.rcfp.org/handbook/index.html

Kittross, John Michael. An Ethics Trajectory: Visions of Media Past, Present and Yet to Come. Urbana, IL: University of Illinois/Institute of Communications Research, 2008.

Sterling, Christopher H. Encyclopedia of Journalism. Thousand Oaks, CA: Sage Publications, Inc., 2009.

Vile, John R., David L. Hudson Jr. and David Schulz (eds). Encyclopedia of the First Amendment. Washington, DC: CQ Press, 2009.

Weisenhaus, Doreen. Hong Kong Media Law: A Guide for Journalists and Media Professionals. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2007.

Wendell, Carolyn R. The Right to Offend, Shock or Disturb. Reston, VA: World Press Freedom Committee, 2009.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ США
БЮРО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ